

АДРИАНА ДАРИ

(НЕ)ДОСТОЙНАЯ
ДРАКОНА

АКАДЕМИЯ ЛОРЕНХЕЙТА

Адриана Дари

**(Не) достойная дракона.
Академия Лоренхейта**

«Автор»

2026

Дари А.

(Не) достойная дракона. Академия Лоренхейта / А. Дари —
«Автор», 2026

Что может связывать простую подавальщицу и наследника влиятельной семьи? Правильно — ничего! Но я умудряюсь превратить его волосы в радужное безобразие за разбитый артефакт и лишаюсь всего. Плохо? Ужасно! Но именно благодаря этому я неожиданно получаю шанс поступить в академию магии. Мы не должны были встретиться, но мне "везет"! Этот высокомерный красавчик становится моим наставником, а между нами вспыхивает такая ненависть, что искры летят во все стороны. Но что, если ненависть — это только маска для жгучего притяжения. Как мне быть, если его поцелуи становятся моей слабостью, а тайны моего прошлого могут оказаться смертельными?* Целеустремленная героиня с кучей проблем и твердым намерением их решить* Дракон, который вынужден ей помогать, хотя с радостью бы... многое другое сделал)* Фамильяр, меняющий настроение* Одна огромная тайна в прошлом героини, которая многое поставит на кон* ХЭ

© Дари А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	39
Глава 15	42
Глава 16. Адреас Филис	45
Глава 17	48
Глава 18	52
Глава 19	55
Глава 20	59
Глава 21	61
Глава 22	64
Глава 23	67
Глава 24	70
Глава 25	74
Г	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

(Не) достойная дракона. Академия Лоренхейта

Глава 1

— Ярика! Пошевеливай своим тощим задом! — разбрызгивая от раздражения слюни во все стороны, орет мне Таллия, хозяйка модной среди богатой молодежи таверны. — Тебя ждут уже в драконьем зале!

И ничего он у меня не тощий! Нормальный зад. И не только зад! Лучше б Таллия на свою талию посмотрела!

Впрочем, кого это волнует? Сжимаю зубы и пропускаю мимо ушей всю ругань.

Главное, что сегодня я получу зарплату за отработанный месяц и наконец-то куплю маме те лекарства, что прописал целитель. Он сказал, что это последняя надежда и без этих пилюль мама не проживет и месяца. А ведь она уже неделю почти не встает, и, кажется, это самый серьезный приступ на моей памяти.

По телу расплзается обоснованный страх, что я однажды вернусь, а мамы нет.

Чтобы успокоиться, касаюсь кулона на своей груди — единственная память об отце. Я его помню очень плохо, но тепло рук и забота навсегда со мной, а кулон — как якорь в моменты, когда становится тяжело.

— Ты все еще здесь? — визг Таллии заставляет меня подпрыгнуть. — Надоело работать?

Надоело. Особенно когда она на меня орет, а гости, которые считают себя хозяевами жизни, думают, что я должна быть согласна на любую работу ради лишней монеты. Будь у меня хотя бы нормальная магия, а не эти искры, я могла бы попытаться найти место получше. Но я почти пустышка. Недомаг, недочеловек.

Поставив на поднос последний напиток, я расправляю спину и, как требует хозяйка, выхожу в драконий зал.

Приходится остановиться на пару мгновений, чтобы глаза успели привыкнуть — здесь полумрак. Очень неудобно ходить и разносить, зато гостям нравится атмосфера. Тут всегда почти нет мест, несмотря на то, что Таллия дерет втридорога даже за самые простые блюда.

В самом центре зала сидит шумная компания. Трое — два парня и девушка — громко смеются и, кажется, вообще не замечают присутствия других гостей. А еще один парень как будто не участвует в этом.

Широкие плечи, платиновые длинные волосы, забранные в небрежный хвост, расслабленная поза и... взгляд. Так смотрят люди, которым не надо делать вид, что им подчиняется весь мир. Они знают, что мир принадлежит им.

“Таких надо обходить стороной”, — проносится в голове мысль как раз за мгновение до того, как наши взгляды пересекаются.

Я вздрагиваю и тут же отворачиваюсь. Но яркие голубые даже при этом тусклом свете глаза все еще стоят перед моим внутренним взором.

Понятия не имею почему, но после этого столкновения взглядов руки чуть дрожат. Концентрируюсь: не уронить, не расплескать...

Я несु заказ именно им.

— Это же просто потрясающе! — с довольной, очень жеманной улыбкой произносит девушка, цепляясь за рукав голубоглазого блондина. — Адреас завтра войдет в совет попечителей. Мой отец всегда говорил, что статус и богатство идут рука об руку.

Я едва удерживаюсь от того, чтобы не закатить глаза на этой фразе. И то, как девушка ластится к блондину, к его руке, рельеф мышц которой замечен даже под рубашкой... Стыдно должно быть!

Остается последний бокал, когда я замечаю своего фамильяра, хамелеона Ири, который с любопытством “оживает” на моей талии, где он “прикидывается” необычным поясом.

“Нет, Ири, только не сейчас!” — мысленно кричу я.

Даже дышать перестаю, а время будто замедляется, растягиваясь и позволяя считать удары сердца до неизбежного.

Иридан резко выбрасывает вперед язык и цепляет им... мошку, которая села на щеку к девушке. Та пугается, вскидывает руку, и последний бокал с напитком насыщенного бордового цвета падает на дорогушее светлое платье.

Тишина. Мгновенная, ледяная. Все взгляды прикованы к нам: ко мне, потому что я замерла, как каменная статуя, и к девушке, которая хватает воздух ртом, как выброшенная на берег рыбина.

— Ты! Неуклюжая тварь! — визг блондинки режет слух, когда она наконец находит слова.

На лице — чистейшая ярость, искажающая красивые, правильные черты лица. У меня только одна мысль: сколько удержат из моей зарплат?

Она вцепляется своими острыми ногтями в воротник моего платья. Легкий щелчок, и старая тонкая цепочка, на которой висит мой кулон, рвется, он падает на пол и отлетает чуть в сторону. Кажется, мое сердце в этот момент останавливается.

Девушка отпускает меня, а потом заносит руку, чтобы ударить, но блондин перехватывает ее, останавливая на лету.

— Джесс, остановись! — парень, которого называли Адreasом, поднимается из-за стола.

Он делает один небольшой шаг, что-то говорит — я не слышу что. Зато хруст, раздающийся при этом, звучит как раскат грома.

Как будто это не кулон трескается, а что-то в моей груди. На глаза наворачиваются непрошенные слезы, которые я совсем не рассчитывала показывать никогда и никому.

Адreas смотрит под ноги, затем на меня. Его взгляд не злой, но... абсолютно безразличный. Как будто он наступил на жука.

— Джесс, успокойся. Не могла ничего придумать лучше, чем ругаться с обслугой.

Он посылает мне снисходительный взгляд, который перемещается на осколки на полу.

Носком ботинка Адreas небрежно отшвыривает то, что осталось от кулона, а потом снова смотрит на меня так, будто ничего особенного не произошло. И это в тот момент, когда мне кажется, будто раздавили не кулон, а меня саму.

— А ты... Тоже успокойся. Это всего лишь кусок металла и камень, скорее всего, даже стекляшка, чтобы так из-за него переживать. Я пришлю тебе замену этой безделушке, в три раза дороже. Считай, что инцидент исчерпан.

Замену? Замену чего? Моей жизни?

— Ты... Вы... Хозяин... жизни... — я стараюсь сдержаться, понимая, что эта вся сцена и так будет мне стоить очень дорого. Непозволительно дорого. — Вы... вы думаете, что все на свете можно просто взять и заменить?!

Все внутри меня сжимается в тугую, раскаленный шар. Горечь, обида, ярость — все смешивается в один клокочущий поток. Я даже не думаю.

Меня ослепляет яркая вспышка, ладони обжигает, а когда я возвращаю возможность видеть, понимаю, что теперь мне точно конец.

Глава 2

Растерянно и шокированно смотрю на свои руки, а потом на Адреаса. Кажется, меня вот-вот накроет волной паники. Шикарные пепельные волосы парня оказываются раскрашены во все цвета радуги.

Что?! Я? Я не могла! У меня нет столько магии, чтобы это сделать.

— Твои волосы, — еле слышно бормочет девушка, которая, кажется, забыла уже о пятне на своем платье. — Они... Они...

Видимо, ее выражение лица подсказывает парню, что что-то не так, и он касается пальцами волос в хвосте, чуть скашивает взгляд, замирает на миг и издает звук, слишком сильно похожий на рык. Не зря этот зал называется драконьим.

Расслабленной позы как не бывало, широкие плечи напряглись, а на руках сжались кулаки. Он поднимает голову, и меня обжигает ледяной злостью голубых глаз.

Отшатываюсь, натыкаясь спиной на соседний столик. С него что-то падает, а из моих рук выскальзывает поднос и с грохотом опрокидывается на пол.

Вот теперь мы точно становимся центром всеобщего внимания. Звенящая тишина, в которой любой звук слышится громом. В переглядках, в перешептываниях, во взглядах зло-радство и любопытство.

— Ты... — голос Адреаса звучит низко, хрипло, как скрежет камня по камню. Он не кричит. Но это пугает только больше.

Ири на моем поясе издает странный звук и, кажется, рискует быть замеченным. Только этого еще не хватает.

— Что здесь... Ярика! — в зал врывается Таллия, видит то, что видит, и я понимаю, что, если вечер мог стать хуже, он уже стал.

От ее голоса по телу пробегает леденящий ужас: что я наделала? Как? И что... теперь меня ждет?

— Вон из этого зала, — с проскальзывающей яростью произносит Таллия. — Сейчас же.

Я застываю, а потом кидаюсь вперед, чтобы поднять осколки кулона, но хозяйка протискивается к нам, хватая меня за шкуру и, встряхнув, отталкивает.

— Вон! Сию секунду вон из зала! Прямо сейчас! — цедит она сквозь зубы. — Господа, прошу прощения за эту пренеприятнейшую сцену, — обратив свое внимание к гостям, она переходит на совершенно другой, подобострастный тон. — Сегодня вечером все напитки за счет нашего заведения. Господин Филис... Мои глубочайшие извинения. Ужин за наш счет, а подавальщица, — еще один пышущий злобой взгляд в мою сторону, — понесет заслуженное наказание.

Адреас кивает, делая вид, что нас не существует.

Меня, как нашкодившего котенка, вытаскивают из зала, а я совершенно иррационально пытаюсь найти глазами кулон, ощущая, как мир вокруг словно покрывается ужасными уродливыми трещинами.

Перед тем самым моментом, когда за мной закрывается дверь, я оглядываюсь на парня, и наши взгляды снова пересекаются. Взаимная ненависть, обещание, что в следующий раз мы так мирно не разойдемся.

Но я всеми силами буду надеяться, что следующего раза просто не будет.

— Ты уволена! — наконец взрывается Таллия, отшвыривая меня в центр помещения, где формируются заказы. — Без расчета! С этого самого момента! Убирайся, чтобы глаза мои больше тебя не видели! И не надейся, что ты сможешь устроиться в еще хоть одно приличное заведение.

Из всего того, что она сказала, я осознаю только одно, что заставляет мое тело буквально покрыться ледяной коркой. “Без расчета”.

Нет зарплаты. Нет оплаты аренды комнаты. Но главное — нет лекарств для моей мамы.

Это как удар под дых. До ярких мушек перед глазами, до невозможности дышать, до дрожи во всем теле.

— Эйлин, найди кого-то, чтобы там убрали, — приказывает Таллия, а потом оборачивается на меня: — Ты все еще здесь? Неужели ты думаешь, что после всего того, что ты устроила сегодня, после позора с младшим наследником рода Филис, я заплачу тебе? Да всей твоей месячной зарплаты не хватит, чтобы окупить все мои потери сегодня!

Пышнотелая хозяйка нависает надо мной огромной тенью, как будто готова вот-вот поглотить. Чувствую, как Ири дрожит на моем поясе. Боится. Еще бы...

Ощущение дикой несправедливости разрывает меня на части. Месяц работы. Надежда. Все превращается в прах.

— Вы не можете! — срывается с моих губ.

— Я не могу? — ее палец уперся мне в грудь там, где еще недавно висел кулон. — Или ты уходишь сейчас же сама, или я вызываю сыскарей, чтобы тебя отправили за решетку за нарушение порядка и оскорбление гостя!

Из зала появляется одна из девочек-прислужниц с метелкой и совком. У меня все сжимается внутри, когда я вижу, как она высыпает содержимое совка в мусорное ведро. Звон, шорох, стук... Остатки моего кулона оказываются среди мусора и, клянусь, я уже готова кинуться, чтобы по кусочкам достать его, но меня останавливает Таллия.

— Я считаю до трех, — она смотрит на меня своими маленькими глазками с наплывшими верхними веками. — Два с половиной...

Я собираю последние остатки гордости, что у меня есть, и поднимаю подбородок:

— Спасибо за честь работать с вами, госпожа Таллия, — выдавливаю из себя, сдерживая слезы, которые горячим комом сжимают горло. — Буду рада вас больше не видеть.

Не дожидаясь момента, когда она поймет, что же я ей сказала, разворачиваюсь и быстро выхожу из таверны через черный ход. Уже на крыльце меня ловит Эйлин и протягивает мне мой плащ.

— Ночи уже холодные, а вернуться тебе за одеждой никто не даст, — говорит женщина. — Все, беги.

В ее глазах даже не сочувствие — жалость. Киваю ей, не в силах даже произнести слова благодарности.

Спускаюсь с крыльца, отхожу на несколько шагов и прислоняюсь спиной к каменной остывающей стене, запрокидывая голову и всматриваясь в бесконечное ночное небо.

Итак, что я имею? В кармане — пустота вместо денег. Передо мной — темная улица, холодная ночь и умирающая мать, которой я не могу помочь.

— Скучаешь, малышка? — раздается рядом не совсем трезвый голос.

Глава 3

Мне бы испугаться. Наверное, тогда я успела бы убежать. Но... Увы и ах, после столь радужного увольнения, все чувства отзывались с большой задержкой. А этот ненормальный почему-то решил, что мое молчание — согласие.

Он смело делает шаг вперед, протягивая свою руку и обдавая меня крепким запахом дешевого вина и недельного пота. Невольно по привычке касаюсь груди, как я всегда это делала в минуты страха, чтобы дотронуться до кулона и почувствовать, что хотя бы иллюзорно нахожусь под защитой. А его нет. И больше не будет.

— Убери руку, — медленно, но со всей злостью, которая накопилась к этому моменту, говорю я. — Вот прямо сейчас.

Кажется, до мужика доходит еще медленнее, чем до меня, поэтому он только демонстрирует свои редкие гнилые зубы в подобии улыбки и делает еще шаг ближе ко мне.

— Ой, сердитая какая! Не бойся, погреемся... Холодно же, малышка.

Иридан реагирует быстрее меня, шипит, приобретает ярко-оранжевую окраску и, выбросив язык, касается им руки мужика. Защитник мой!

— Что это?! — орет мужик.

Естественно, тот, в свою очередь, пугается и отшагивает от меня. Его пьяный мозг с трудом обрабатывает внезапное нападение. А мне только это и надо!

Подхватываю юбку и кидаюсь прочь по узкому проулку позади таверны, который должен вывести меня к более людной улочке. Там-то я и вижу свое спасение. Только вот мужик, похоже, видит во мне сегодняшнюю жертву. Ну или он считает, что убегающая девушка просто флиртует! Потому что он кидается вдогонку.

Сердце колотится где-то в горле, отдаваясь гулками ударами в такт моим ногам. Дыхание рваное и поверхностное. А неровная дорожка под ботинками с практически до дыр истертыми стельками — не лучшая помощь при беге. Особенно если учесть, что я и бегаю-то не очень.

Когда мне кажется, что я вот-вот уже выскочу из темноты, загребущая рука мужика хватается меня за плащ и тянет назад, да так, что я падаю навзничь. Меня снова обдает перегаром, когда он склоняется надо мной, а я, наоборот, зажимаюсь, готовясь отбиваться всем, что у меня есть.

Но... Мне не приходится. Когда я по очереди разлепляю сначала один, а потом другой глаз, то вижу, что напавший медленно сползает по стене, а в проеме арки, выходящей из переулка, стоит чья-то фигура.

Я поднимаюсь на руках и аккуратно отползаю назад, соображая, что же мне делать: бежать-то теперь некуда. Ири выглядывает из распахнувшегося плаща и снова шипит.

— Простите, если напугал вас, — говорит человек в арке. — Позвольте помочь вам.

Он протягивает мне руку в черной перчатке, а я недоверчиво смотрю на нее. Слишком много приключений для одного вечера, стоит ли мне доверять этому незнакомцу?

Видя мою нерешительность, он отступает так, чтобы свет, проникающий сюда через арку, осветил его лицо.

Немолодой. Но и не старый. С усталым, но колким взглядом, крючковатым носом, белой, аккуратно стриженной бородой. Незнакомец слегка улыбается и снова подает руку, чтобы помочь встать.

— Я Гендрик Холливан, — представляется он, и только после этого я позволяю себе принять его помощь.

— Спасибо, господин Холливан, — говорю я. — Надеюсь, меня не обвинят еще и в убийстве.

Оглядываюсь на нападавшего, который сейчас сидит у стеночки и не подает особых признаков жизни.

— Ну что вы! — улыбается мой спаситель. — Как раз до утра проспится, а там встанет и пойдет. Тут и сквозняка нет, не замерзнет. Даже похмельем мучиться не будет.

Невольно улыбаюсь:

— Ему полезно было бы, — говорю я, а потом спохватываюсь, что не представилась. Не хочется, но приличия подсказывают, что надо. — Ярика Сирен.

— Рад познакомиться, — вежливо кивает новый знакомый. — Это же вы очень красиво поставили на место того зарвавшегося молодого дракона?

Меня невольно передергивает. Я догадывалась, что блондин — дракон, но догадываться и знать — разные вещи. Если он посчитает это особо сильным оскорблением, он же из меня душу вытрясет. Не физически, так морально...

— Я ничего не делала, — строго отвечаю я. — Еще раз спасибо и до свидания.

Мне очень не нравится направление разговора. Кто этот Холливан? Журналист и ищет материал для статьи в желтую газету? Один из сыскных? Не зря же так легко справился с напавшим. Сдается мне, Холливан не случайно оказался рядом. Ждал?

Киваю, натягиваю капюшон плаща поглубже и обхожу его стороной, чтобы показать, что не желаю дальше продолжать разговор.

— Я знаю, что вы считаете это случайностью, — следуя за мной, говорит Холливан с наставническим нажимом. — Возможно, так оно и есть. Но весьма... впечатляющая случайность, юная леди.

Меня тоже впечатлило, как я осталась без работы и без... кулона.

Тут действительно болеелюдно: кто-то прогуливается по проспекту, излюбленному месту аристократов, кто-то заглядывается на вывески с питейными заведениями, а кто-то явно спешит куда-то.

Но мне нужно пройти ее почти до самого конца, чтобы свернуть на улицу, ведущую в дешевый, самый дешевый квартал.

— Во мне лишь слабые искры магии, которые не позволили мне поступить даже в магическое училище, о чем еще тут можно говорить? — отвечаю я, не оборачиваясь. — Я пустышка.

Холливан хмыкает, но не отстает. Сжимаю кулаки и ускоряю шаг.

— Я видел вашего... фамильера, — хамелеон, почувствовав внимание, медленно заворочался, перебирая своими лапками ткань на моем платье. — Очень необычный. И явно привязанный к вам. Судя по нему, у вас должен быть большой потенциал.

Слышала я эти рассказы, меня много раз проверяли. И каждый раз меня настигало разочарование. Надоело расстраиваться, поэтому я решаю закончить этот разговор и резко останавливаюсь.

— Господин Холливан, — твердо говорю я. — У меня нет потенциала. Нет магии. И нет денег. Что вы от меня хотите?

Он также останавливается, делает паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Дело в том, Ярика, — говорит Холливан, — что я являюсь одним из меценатов нашей магической академии. И я хочу дать вам шанс. Я считаю, что мы должны быть заинтересованы в... необычных талантах. Я готов ходатайствовать о вашем зачислении в академию. Вне конкурса. На полное обеспечение. Но тут главный вопрос: что на это скажете вы?

Глава 4

Едва за мной закрывается дверь самого дешевого экипажа, кучер щелкает языком, и карета под цоканье копыт и скрип колес уезжает. А я остаюсь у огромных распахнутых ворот на территорию лучшей академии страны — академии Лоренхейта.

Месяц назад я злилась на себя из-за того, что не смогла сдать экзамены в самое неприятное по вступительным баллам магическое училище, а сейчас стою тут. С бумагами, свидетельствующими о том, что я уже поступила.

Воспоминания накатывают волной, горькой и соленой, как слезы, которые даже сейчас подступают к глазам.

Я вернулась домой в смятении: предложение Холливана было очень неожиданным и, откровенно говоря, подозрительным. Что он обо мне знал? Только то, что я “раскрасила” волосы этого парня? Ну это еще вопрос, я ли. Видел моего фамильяра? Так он ничего и не умеет, кроме того, чтобы цвет менять.

Почему Холливан предложил мне это место? Благотворительность? Никогда не поверю.

Маленькая комнатка в конце темного коридора, в которой мы с мамой жили, встретила меня ночным мраком и тишиной. На несколько мгновений я успела испугаться, что опоздала, но потом раздался тихий вопрос:

— Яри? Ты сегодня рано, — произнесла мама, словно прошелестела.

Прикрыла глаза, сжала кулаки и досчитала до пяти, чтобы найти в себе силы натянуть улыбку.

— Да, отпустили чуть пораньше. Все хорошо, мам.

Про себя же молилась, чтобы голос не выдал то, что на самом деле творилось в моей душе.

Сняв сапоги и натянув теплые носки, потому что даже летом пол просто ледяной, я прошла в комнату, к кровати, на которой лежала мама. Чиркнула спичкой, и она ярко вспыхнула, выхватив из темноты изможденное лицо.

Я помнила ее молодой, красивой. Да, с грустным взглядом, в котором было много боли и усталости. Но она была хороша так, что в каком-то из городов, где мы останавливались, ей булочник предлагал выйти замуж. Отказалась.

— Ты как?

Полотенцем, лежащим у кровати мамы, промокнула ее лоб, покрытый испариной. Опять жар. Да, он всегда проходит к утру, но вечером снова начинается мучить.

— Все хорошо, Яри, — слабая улыбка едва коснулась ее пересохших губ. — Мне кажется, я выздоравливаю.

Я кивнула, сделав вид, что поверила ей. Это у нас такая игра: говорим друг другу, что все хорошо, в надежде, что хоть кто-то из нас в это поверит.

Только в этот раз я слишком хорошо понимала, насколько все плохо.

— Тетушка Лесси заходила, — начала рассказывать мама и закашлялась. Я подала ей воды. — Сказала, что к ней племянник придет. Говорит, красавец.

Опять мама за свое. Считает, что мне надо больше на себя времени тратить, а не сидеть с ней, не вкалывать, чтобы купить ей лекарства. Вот как ей было объяснить, что мне не до знакомств с красавцами?

И снова в голове всплыл взгляд холодных голубых глаз дракона, из-за которого у меня теперь нет ни денег, ни работы. Я очень хотела бы его люто ненавидеть. Но даже на это у меня сил не было.

— Отлично. Я обязательно с этим племянником познакомлюсь.

Нет.

— Расскажи мне, как там на улице сейчас?

Мамина сухая ладонь легла на мою руку, а я чуть не вздрогнула, такой она была горячей. Ярхашева болезнь...

Дрожащее пламя свечи отражалось в глазах мамы, а я рассказывала ей о том, что уже появляются первые желтые листья, небо постепенно становится пронзительно-синим, а в воздухе уже висит запах приближающейся осени. Рассказывала и рассказывала, пока не уснула, положив голову на кровать рядом с задремавшей мамой.

А утром проснулась от стука: мне принесли письмо с гербом академии и золотой печатью ректора. Там была информация о зачислении и требование немедленно приступить к обучению.

Учеба в академии могла бы открыть мне многие двери. Даже на самом захудалом факультете. А при успешной сдаче первых испытаний я могла бы получить стипендию. Такую, с которой моя месячная зарплата в таверне и в сравнение никакое не шла.

И тогда я могла бы не бояться, что не хватит денег на лекарства, могла бы найти маме комнату получше, настоящую сиделку, хорошего лекаря.

Именно это заставило меня принять решение. Я понятия не имею, что бы делала, если бы не обнаружила, что Эйлин в карман моего плаща еще сунула пару серебряных монет. Но они были, и я посчитала это знаком.

За одну из них я попросила тетишку Лесси позаботиться о маме, а на другую, почти на всю, я купила единственное зелье, которое хоть чуть-чуть помогало облегчить состояние мамы.

Я не хотела ей врать, но и тревожить ее тем, что незнакомый мужчина просто так предложил учиться в академии, не могла. Поэтому я сказала, что в училище ошиблись, и я все же прошла. Решила, что открою ей правду позже, когда ей станет лучше.

Дрожащими руками перебираю документы, которые были в письме. Вытираю ладошки о грубую ткань старого платья и нахожу инструкции, куда мне идти. От центральных ворот через парк по аллее прямо до площади с фонтаном. Там башня с часами — ректорская башня.

— Ну что, Ири, — я проверяю своего фамильяра, устроившегося на плече, — идем в ловушку или к новой жизни?

Иридан моргает красным, потом зеленым, а потом вздрагивает. Ответ неопределенный. Говорят, что сильные маги слышат своих фамильяров... Ко мне это точно не относится.

Сворачиваю документы и убираю их в сумочку, чтобы не растерять по дороге, и смело делаю шаг вперед. Раз уж решилась, чего откладывать, правильно?

Глава 5

Территория академии впечатляет своими размерами. Я, конечно, знала, что она большая, но не знала, что настолько! Я верчу головой по сторонам и вижу высокие шпили, крыши разных форм, огромные витражные окна и... нужную мне башню с часами аккуратно на другой стороне парка, расположенного при входе.

Под сенью деревьев почти не видно окружающих зданий, но я четко следую указаниям держаться центральной аллеи. Здесь гораздо сильнее пахнет осенью, чем в городе, а под ногами на дорожке, вымощенной камнем, то и дело попадаются опавшие листья.

Как бы мне ни хотелось не привлекать к себе внимания, у меня это не выходит: то там, то тут я замечаю студентов. Они все в форме, с практически одинаковыми сумками. Но даже так можно с легкостью определить, кто из них богаче, особенно по девушкам. У них прекрасный маникюр, макияж и дорогие украшения.

Те, кто попроще, такие же, как я: серые, невзрачные и желающие спрятаться.

На меня смотрят с интересом, как на зверушку, ведь учеба уже началась, а я только-только пришла. Интересно, если они узнают, что за меня просил Холливан, какие пойдут слухи? Впрочем, я догадываюсь, а озвучивать не хочу.

— Мы же с тобой справимся, малыш? — поглаживаю хвостик Ири, замечая, что он то и дело меняет цвет, похоже, волнуясь не меньше меня самой. — Справимся. И для себя, и для мамы. Я сделаю для этого все.

Центральная аллея заканчивается огромной площадью с центральным фонтаном. Здесь гораздо больше студентов, и мне становится совсем неудобно. Нервно поправляю платье, самое лучшее, что я нашла в своем гардеробе, но заметно поношенное. Я надеюсь, что плащ прикрывает заплатку, которую я в прошлом году поставила на юбку: ткань уже ветхая, а я зацепилась за выступающий крюк в двери. Было обидно.

Тут уже оказывается очень легко сориентироваться: башня с часами, и так заметная отовсюду, стоит прямо здесь, в противоположной стороне площади. Я проверяю документы и ускоряю шаг. Быстрее покончить с этим всем и понять, насколько все серьезно.

На ступеньках башни я чуть не врезаюсь в высокого, статного мужчину. Платинового цвета волосы, мужественный подбородок, широкий размах плеч. Кого-то он мне напоминает. Настолько, что я даже вздрагиваю, но потом наталкиваюсь на взгляд... зеленых глаз.

Он смотрит так же, свысока, как на букашку, но все же не Адreas. Брат? Другой родственник? Но не он.

С удивлением замечаю, как облегченно выдыхаю. Неужели так боюсь встречи? Не должна. Та девушка, что с ним была в таверне, сказала, что он должен войти в совет попечителей... Значит, он уже закончил обучение. Не будет его тут.

Бормочу слова извинений и проскальзываю в массивную деревянную дверь, которая еще не успела закрыться. Передо мной холл и единственный путь из него — винтовая лестница, по которой я и начинаю подъем. Даже успеваю устать и запыхаться, пока дохожу до светлого помещения, заставленного шкапами с книгами и документами.

В углу одиноко стоит пустой стол, который, наверное, должен занимать секретарь. Но, похоже, ректор предпочитает все держать в своих руках, потому что это место рабочим явно не выглядит.

Иридан переползает с плеча на пояс, привычно маскируясь, чтобы не привлекать внимания. Я несколько секунд сверлю взглядом дверь в кабинет ректора, а потом пугаюсь, когда оттуда доносится:

— Заходите, не бойтесь!

Ярхаш! Ректор что, через стены умеет видеть? Я толкаю дверь и оказываюсь в просторной комнате, в центре которой стоит большой письменный стол с резными ножками. И за ним тоже никого нет.

— Я, честно говоря, ждал вас только к вечеру, — раздается за спиной голос, и я резко оборачиваюсь, затаив дыхание.

Ири шипит и на мгновение становится темно-красным. Угрожает.

— Ох, простите, я вас напугал, — с улыбкой мягко произносит мужчина и представляется: — Ректор Эриан Ферст.

Высокий, серьезный, в дорогом бархатном камзоле насыщенного изумрудного цвета с золотой вышивкой, подчеркивающим зелень его глаз.

— Я... — запинаясь и, едва справляясь с дрожью в руках, начинаю искать документы. — Ярика Сирен. Мне вот пришло...

Я суетливо ищу письмо среди остальных бумаг, но пальцы не слушаются, и листы выпадают и разлетаются вокруг меня. Растяпа. Нервничаю, будто от этого зависит моя жизнь. Хотя... почему “как будто”?

— Не переживайте, Ярика, — ректор лишь легко взмахивает кистью, и документы в один миг поднимаются с пола и опускаются на его стол. — Присаживайтесь.

Он указывает на один из стульев, стоящих перед столом, а сам проходит к своему креслу.

Я, стараясь вернуть себе хоть каплю уверенности и гордости, специально не торопясь пересекаю кабинет и присаживаюсь на краешек стула. Пока ректор изучает мои бумаги, позволяю себе осмотреться.

Интересно: окна на три стороны, а между ними высокие шкафы и много-много книг. Разных: потрепанных, почти новых, с еще не стершимся тиснением, толстых, тонких, с яркими корешками и желтыми страницами.

Читать я люблю. Разное. Только вот удастся мне это редко. Да я и в училище поступить не смогла, потому что некогда толком готовиться было. Был бы нормальный дар, то взяли бы, а так...

— Ну что же, студентка Сирен, — ректор делает акцент на обращении. — Я могу вас поздравить, с этого дня вы будете учиться в академии Лоренхейта. Не скрою, ситуация у нас с вами необычная, поскольку поступили вы по протекции и без экзаменов. Но хочу, чтобы вы поняли...

Ферст делает многозначительную паузу и продолжает, только убедившись, что я точно его слушаю:

— Если вы хотите учиться здесь, то вам придется приложить все усилия. Независимо от того, что будет думать господин Холливан, я не буду закрывать глаза на безделье и неудовлетворительные результаты.

Меня бросает в жар от обиды и стыда. Конечно, он подумал, что я рассчитываю, что, ничего не делая, получу все. Чего ждать от той, кого зачислили в обход всем правилам?

— Господин ректор, я... — пытаюсь подобрать слова, чтобы заверить его в том, что я собираюсь учиться.

— Я знаю, студентка Сирен, — говорит Ферст, будто уже прочитал мои мысли. — И я желаю вам в этом удачи. Особенно с таким замечательным фамильяром.

Я бросаю взгляд на Ири. Думала, что ректор не заметил моего фамильяра, но он, похоже, из тех, кто знает все и обо всех. Отличное умение для того, кто управляет академией.

— Спасибо, ректор Ферст, — киваю ему, чтобы показать, что очень постараюсь оправдать доверие.

— А сейчас вам нужно сначала пройти к профессору Курт, она оценит ваш магический потенциал, проверит склонности и поможет определиться с выбором факультета, — дает

инструкции ректор. — После этого пойдете за формой и бельем и в общежитие вашего факультета. В библиотеку можете завтра.

Он протягивает мне какие-то листы, на которых написано кому и где их отдать, а потом еще раз желает удачи, давая понять, что я свободна.

Выйдя из кабинета, я еще несколько минут стою в приемной, изучая по карте академии, которую дал ректор, куда мне теперь идти. Что ж... неужели я все же тут? Это кажется просто сном, который вот-вот прервется будильником или чем-то еще.

Спускаюсь уже быстрее и легче. Оказавшись на улице, снова ныряю в карту, чтобы убедиться, что я правильно запомнила, в какой стороне искать лазарет и целительский факультет.

— Адреас, это она! — раздается знакомый визгливый голос, и я тут же поднимаю голову.

Нет, нет, нет! Вот и окончание сна!

Шагах в десяти от меня, у одной из лавочек, стоит Адреас. С теми же радужными волосами.

Какого Ярхаша он тут делает?!

Глава 6

Подружка раскрашенного блондина, липнущая к нему, вспыхивает, словно спичка. Образно говоря, конечно. На ее лице ярость сменяется брезгливостью, потом высокомерным осознанием своей значимости, а после этого она решает, что является хозяйкой положения. Впрочем, скорее всего, это ее нормальное состояние.

— Ты, тварь безродная, посмела здесь появиться? — девушка отлипает от своего радужного дракона и кидается ко мне, явно не чтобы добродушно обнять и поздравить с поступлением.

Ири краснеет, подбирается весь. Он, конечно, безобидный, но укусить может, и, боюсь, эта же Джесс потом будет орать, что у меня агрессивный фамильяр. Да она сама такая!

Я отворачиваюсь и делаю вид, что этот возглас девушки не относится ко мне. Похоже, ее это бесит еще больше, потому что она подбегает ко мне, хватая за плечо и резко дергает на себя.

— Я к тебе обращаюсь! — орет она мне в лицо.

Она выше меня почти на полголовы, мне приходится задирать голову, чтобы видеть ее искаженное гневом лицо. Но меня это мало пугает. Я тянусь к груди, чтобы коснуться своего кулона, но... Его нет. И нет его из-за этой истеричной блондинки!

— Правда? А я не помню, чтобы мы были знакомы, — улыбаясь, спокойно говорю я.

Спокойствие бесит. Она ждет от меня испуга, может, ответной ярости. Я жадная, не покажу ей их, даже несмотря на то, что внутри начинает бурлить.

— Что?! — кажется, она достигает точки кипения, как тогда, в таверне.

Но снова появляется ОН. И от его ледяного взгляда меня пробирает такой холод, что, кажется, будто я провалилась в прорубь.

Адреас заслоняет собой Джесс, как будто это я готова вцепиться ей в волосы, а не наоборот. Той остается лишь бросать на меня многообещающие взгляды, но они не так меня беспокоят, как разноцветный гад, превратившийся в воплощение злости.

— И что же ты тут делаешь, ящерка? — медленно, но из-за этого не менее устрашающе, произносит Адreas. — Неужели тебя выгнали из таверны, и ты решила подыскать себе место в академии? Кем? Прачкой? Хотя нет... С твоей-то криворукостью хорошо, если в поломойки возьмут.

Он стоит в паре шагов от меня. Радужные пряди нагло выбиваются из хвоста и поблескивают на солнце, и это единственное, что кажется в нем сейчас хоть сколько-нибудь несерьезным. Неужели он даже не пытался никак убрать это многоцветье?

Адреас обводит меня взглядом с головы до ног, словно разглядывая какую-то особенно мерзкую и назойливую букашку, случайно попавшую в его поле зрения.

Бесит. Как же он и его высокомерие бесят.

— Удивишься, — решаю не строить из себя вежливую, раз уж блондин позволяет себе фамильярное общение, — но я здесь учусь.

Едва заметное удивление мелькает на лице дракона, заставляя его зрачок на мгновение стать вертикальным. Но он тут же возвращает себе контроль.

— Ты? — он делает шаг вперед, а уголок губ изгибается в усмешке. — Не смейся. Да и кто в своем уме мог принять тебя в столичную академию. Или... В тебе нашли какие-то иные дарования?

В груди все начинает вибрировать от злости и обиды. Иридан на поясе перебирает все цвета от ярких до землистых и обратно. Мне очень хочется врезать сейчас по этой высокомерной морде. Но я сжимаю кулаки, сминая с хрустом карту и бумаги.

— Не твое дело, — цежу сквозь плотно сжатые зубы, стараясь изо всех сил, чтобы голос не дрогнул и не выдал бушующий внутри ураган эмоций.

Адреналин смешивается со страхом и упрямством, заставляя сердце колотиться как бешеное.

— Не мое? Как ты заговорила, ящерка, — его усмешка больше напоминает оскал хищника, который готов вот-вот накинуться на свою жертву. — Я бы на твоём месте не огрызался. Ты себе и так уже наговорила на очень серьезные неприятности. У тебя особый талант к разрушению. Уникальный. Нечего тебе здесь делать.

— Не ты принимал — не тебе и судить, — голос дрожит от волнения и попытки сдержаться и не закричать.

Он делает еще один шаг вперед, и я едва останавливаюсь, чтобы позорно не отступить, а меня обдаёт жаром, исходящим от тела Адreasа, как от раскаленной печи. Его взгляд скользит по моему лицу, обжигая, ловит мой и впивается в него. Дракон склоняется ко мне ближе, так, что я чувствую его дыхание с легким ароматом ментола.

— Не мне, — соглашается он, но это только сильнее пугает. — Но в моих силах сделать так, что ты будешь проклинать этот день. Каждую минуту ты будешь молиться о том, чтобы вернуться назад в свою никчемную жизнь. Ты заплатишь за все. С процентами.

Судорожно сглатываю, чувствуя, как от волнения пересохло во рту. Он не шутит. Он настоящему зол. Зол на меня. И готов на все, чтобы выместить свою злость.

Страх липкой, холодной волной пытается захлестнуть меня с головой, парализовать волю, но я отчаянно борюсь с ним. Я не покажу этому дракону, что боюсь. Не доставлю ему такого удовольствия.

— Это мы еще посмотрим, — отвечаю я, не отшатываясь ни на миллиметр. Даже наоборот, сокращая расстояние между нашими лицами.

— Наслаждайся своим первым днем в стенах академии, ящерка. Он будет последним спокойным в твоей жизни.

Адreas резко отстраняется, а у меня от этого движения даже голова начинает кружиться. Как будто я первый раз за весь разговор сделала вдох.

Он приобнимает за талию Джесс, которая кидает на меня победный, язвительный взгляд и возвращается к своей компании.

И почему у меня нет ни грамма сомнений в том, что он исполнит свое обещание? Только вот ящерицы тоже бывают ядовитыми.

Глава 7

Прочь. Я твердым шагом ухожу прочь, делая вид, что знаю куда, и с трудом удерживаясь от того, чтобы побежать. Считаю от одного до двадцати и обратно. И снова, и снова. Пока не оказываюсь вне зоны видимости этих снобов.

И угораздило же меня пересечься с ними! Не иначе как кто-то проклятием в меня кинул. Белобрысым таким наглым проклятием. Слишком большим и сильным, чтобы с ним тягаться. И слишком хорошо понимающим, как он действует на девушек.

— Спокойно, Ярика, — пытаюсь убедить себя перестать нервничать. — Ты уже учишься здесь, и никакие Адреасы это изменить не могут.

А в ушах голос: “Наслаждайся своим первым днем в стенах академии, ящерка. Он будет последним спокойным в твоей жизни”. Он отравляет все, превращает все происходящее в жуткую насмешку и рождает в груди тревожное предчувствие того, что может меня ожидать дальше.

Когда понимаю, что иду куда попало, расправляю почти безвозвратно испорченную карту — надеюсь, я не должна ее возвращать? — и пытаюсь разобраться, где я и куда мне направиться. Сердце все еще взволнованно стучит, а руки подрагивают, поэтому очень сложно понять.

— Помочь?

Я поднимаю голову и встречаюсь глазами с веселым рыжим парнем, по виду лет на пять старше меня. Кажется, тут у них как на подбор все студенты высокие, широкоплечие, мускулистые.

Он располагает к себе широкой доброй улыбкой, но я не спешу улыбаться в ответ. Как-то уже пообщалась с местными. Не понравилось.

— Я Илиас, — представляется он, протягивая руку. — А ты новенькая?

Смотрю на раскрытую ладонь, мешкаю пару мгновений и все жежимаю руку в ответ.

— Да... Меня отправили в лазарет к профессору Курт, но я... — вздыхаю, не особо желая признаваться в своей проблеме. — Я заблудилась.

Рукопожатие получается уверенным, даже немного жестким, как будто Илиас проверяет меня. Но я вполне готова к такому — не белоручка.

— Ты почти на верном пути, давай отведу, — предлагает он.

Ири беспокойно возится на поясе, и я его понимаю: лишнее внимание сейчас кажется неприятным.

— Просто покажи, куда идти, — отвечаю, надеясь, что он поймет намек.

Но где уж там! Тут определенно очень твердолобые парни учатся.

Илиас рукой показывает направление, но, когда я благодарю и ухожу, идет следом, не отставая ни на шаг. Хотя, надо сказать, не достает вопросами. Больше рассказывает про академию, показывая на разные здания и объясняя, где что находится. За это я, конечно, благодарна, но разговор поддерживать не готова.

— Надеюсь, к профессору ты со мной не пойдешь? — останавливаюсь я на крыльце корпуса целителей, где и расположен лазарет.

Илиас смеется искренне, так что это даже вызывает у меня улыбку, хотя я не планировала ему улыбаться и как-то вообще проявлять свои эмоции.

— А ты не из тех, кто флиртует направо и налево, да? — спрашивает он.

— Разве по моему внешнему виду кажется обратное? — поднимаю брови.

— Удачи, новенькая, — подмигивает Илиас, не отвечая на мой вопрос. — Еще непременно увидимся.

Он засовывает руки в карманы и уходит, несколько раз обернувшись. Я даже не сразу понимаю, что следила за ним глазами.

Иридан шипит и меняет пару раз цвет, делаясь то красным, то радужным, то опять красным, пока снова не маскируется под пояс. Кажется, это было какое сообщение, но я его не понимаю.

Корпус оказывается просторным, очень светлым, отделанным белым камнем. Тут, кажется, все сверкает чистотой. Илиас подсказал, что мне на третий этаж, поэтому я не трачу попусту время и поднимаюсь сразу туда, оказываясь в большом коридоре, у входа в который стоит стол.

— Подскажите, где я могу найти профессора Курт? — спрашиваю я девушку в аккуратном белом фартуке и такой же белой косынке.

Она отрывается от книги и конспектов, сначала как будто бы пытается сообразить, о чем я, а потом, видимо, понимает.

— Прямо по коридору, самая дальняя дверь. Она сейчас свободна, — произносит девушка и снова ныряет в учебу.

Надо же, вроде бы занятия только начались, а кажется, что у нее уже на носу зачеты. Или она настолько серьезно относится к учебе. Я бы тоже так хотела. И буду! Назло всем.

Прохожу мимо многочисленных дверей, практически одинаковых внешне, но с разными табличками и номерами. Символы на них я разобрать не могу, но любопытство, честно говоря, распирает.

Здесь, в академии, интересно все! Где и как учатся, как живут, как устраивают быт. Все! А особенно то, что здесь забыл выпускник Адreas? Какого Ярхаша он делает в академии?

В коридоре пахнет травами. И от этого запаха начинает мутить, а в груди сразу как будто появляется дыра. Каких только трав, травяных смесей, настоек и зелий мы не пробовали с мамой. Все бесполезно. Лекарство, на которое я надеялась накопить работой в таверне, наша последняя надежда.

В ответ на мой тихий стук звучит приглашение в кабинет.

— Ярика Сирен? — мелодичный, но в то же время властный голос женщины, сидящей за столом в кабинете, вызывает робость.

Я киваю. Она рассматривает меня. Я рассматриваю ее. На первый взгляд практически невозможно понять, сколько ей лет: визуально не больше тридцати, но эти глаза странного вишневого оттенка... Они и выдают, что целительнице много. Очень много лет.

Неестественно светлая кожа, иссиня-черные волосы в тугом пучке на затылке, тонкие черты лица и... острые кончики ушей. А ведь я почти была уверена, что эльфов в нашей стране нет.

— Проходи, — она указывает мне на стул напротив нее. — Присаживайся. Ректор Ферст меня предупредил, что ты придешь.

Я присаживаюсь на краешек, боясь запачкать: все кажется просто идеально чистым и... опять белым. Даже шкафы здесь белые. Разве что книги вносят разнообразие тем, что у них разного цвета корешки.

— Расскажи немного о себе, — просит профессор, откладывая бумаги и всматриваясь в меня. — О твоей магии.

Эта просьба заставляет меня поджать губы и отвести глаза.

— Мне особо нечего рассказывать, профессор Курт, — честно отвечаю я. — Моей силы хватает на пару магических искр и, если повезет, чуть-чуть очистить обувь. В училище меня называли пустышкой.

Эльфийка хмыкает и облокачивается на столешницу, чуть склоняясь ко мне.

— Но Холливан так не думает, — не спрашивает — утверждает она.

— Я не знаю, почему он решил сделать мне это предложение, — признаюсь я. — Ему показалось, что это я раскрасила одному из посетителей волосы во все цвета радуги. Но... я в этом совсем не уверена.

Я замечаю, как брови Курт медленно поднимаются, а потом она силится сдержать смех:

— Так это из-за тебя Филис так модно выглядит? — шутливо спрашивает она. — Ну вот. А ты говоришь, “пустышка”. Да и... фамильяры не приходят к совсем слабым. Это ты потом у преподавателя сама спросишь, если захочешь. Так что давай мы не будем с тобой тратить время, проходи за ширму и раздевайся, я сделаю все нужные замеры.

Я послушно иду в дальнюю часть кабинета, чтобы очередной раз убедиться в своей магической никчемности.

Филис... Значит, Курт его знает и уже видела с новой прической? Но... учитывая реакцию, она не обвиняет меня. Значит ли это, что целительницу мне не стоит бояться? Не знаю пока. Понятия не имею, кому можно доверять.

Снимаю платье и присаживаюсь на стоящую тут кушетку. Эльфийка заходит следом с парой маленьких коробочек. Процесс определения уровня магии у Курт не похож ни на что из того, что делали со мной раньше. Какие-то тонкие цепочки на руках с очень слабо мигающими кристаллами, обод на голову с серебряными нитями, которые оплетают все тело, еще пара непонятных артефактов.

Все показания Курт записывает в бланк, делая какие-то пометки и кивая сама себе. В завершение она садится напротив меня и берет в свои ладони мои запястья. По телу как будто пробегает дрожь и болезненное покалывание.

Я, кажется, даже издаю какой-то звук, а потом в голове гаснет свет.

Глава 8

Резкий запах вызывает яркие вспышки перед глазами, а потом и вовсе заставляет закашляться. Открываю глаза и не сразу понимаю, где я. Только проморгавшись и заставив мозг напрячься, я вспоминаю, что совершенно бесславно упала в обморок при банальном измерении магии.

Нет, конечно, так меня никогда не проверяли, но это же не повод.

Зрение фокусируется не сразу, слышать я начинаю раньше. Перед глазами пляшут черные пятна, смешиваясь с белизной потолка. Голова гудит, как потревоженный улей, а во рту — противный привкус меди и какой-то травы.

— Она очнулась, профессор Курт, — говорит та девчонка, что сидела на посту.

Она закрывает пузырек, что держала у моего носа, и подкладывает под мою голову еще одну подушку, чтобы я могла лежать полусидя. Иридан перебирается ко мне на грудь и становится тоскливого серого цвета. Сочувствует.

— Спасибо, Си, — отзывается Курт, сидящая на стуле рядом с бумагами, на которых и отмечала все результаты. — Принеси, пожалуйста, настойку Силлириальмиса. Двойную дозу, пожалуй.

Девушка кивает и выскальзывает из-за ширмы, а потом и из кабинета — я слышу, как закрывается дверь.

Курт переводит на меня серьезный, я бы даже сказала, озадаченный взгляд своих вишневых глаз:

— И когда ты последний раз нормально ела?

Ее вопрос оказывается неожиданным для меня. Я-то думала, что она скажет, что с моим уровнем магии тут делать нечего. А она спрашивает, когда я ела.

Приходится задуматься: утром я успела только покормить маму, сама торопилась сюда. Вчера вечером... мне было не до этого. А в обед мне хватило времени только перекусить парой яблок, которые я подняла с земли, проходя мимо одной из яблонь, растущих около богатого особняка.

Я так и не отвечаю Курт, от чего ее глаза сверкают неодобрением, и она качает головой.

— Ярика, — вздыхает она. — Даже если не брать в расчет базовые физиологические потребности организма, любая, даже самая маленькая сила требует хорошей подпитки. А ты вчера... Филиса раскрасила! Удивительно, как ты вообще умудрилась столько времени продержаться!

Я поджимаю губы и рассматриваю свои руки, сжимающие плед, которым меня прикрыли. Обветренные, с рабочими мозолями и коротко-коротко подстриженными ногтями.

— Я просто привыкла, профессор Курт, — отвечаю я. — Мне не всегда доводилось нормально поесть.

— Значит, моя самая первая рекомендация: не пропускать приемы пищи. Никогда, — она строго смотрит, а мне стыдно, как будто я пятилетний ребенок, совершивший какую-то несусветную глупость. — Вот сейчас выпьешь настойку и от меня сразу пойдешь в столовую. Как раз время обеда.

Девушка приносит вытянутый стакан с мерными рисками на стекле, наполовину заполненный резко пахнущей бурой жидкостью. По указанию Курт я залпом выпиваю его и возвращаю Си.

— Передай ректору Ферсту вот эти бумаги, — целительница протягивает конверт девушке. — И скажи, что вечером нам нужно будет встретиться.

Курт дожидается того момента, как помощница выйдет, а потом задумчиво поворачивается ко мне.

— Что касается твоей магии. Ее действительно немного, — произносит Курт, но что-то проскальзывает в ее взгляде неоднозначное. — Но я и не думаю, что ты хотела бы быть боевым магом. Твои результаты, — и снова пауза, как будто она сомневается, — вполне соответствуют факультету Рукописей и Артефактов. Для работы в архиве или библиотеке не обязательно иметь безграничный магический потенциал.

Она говорит, а я даже не знаю, как спрятать глупую улыбку, которая расплывается на моем лице. Только подумать! Книги. Разные. Древние. Новые. И я среди них! А если... Если меня еще и к летописаниям допустят!

Курт немного удивляется моей реакции, но, кажется, она рада.

— Что скажешь?

— Что я самый счастливый человек на свете! — и я именно это и подразумеваю, потому что о прочих проблемах в этот момент не думаю.

— Отлично. Тогда вот твой студенческий кристалл. Это твой пропуск везде: от комнаты до тренировочных полигонов, если вдруг тебе потребуется. В столовой определяет твое меню и место за столом, — говорит Курт. — Думаю, тебе покажут, как им пользоваться.

Мне в руку ложится небольшой охристый кристалл с зелеными прожилками. Как только он касается моей ладони, то слегка мигает внутренним светом, а потом гаснет.

— Спасибо большое, — бормочу я, слезая с кушетки, и беру платье, чтобы одеться.

— Помнишь, да? Сначала столовая, а потом все остальное. Бумаги я уже подписала, — целительница протягивает мне три небольших листа и провожает меня к двери. — И если будут проблемы — ни в коем случае не стесняйся прийти и попросить о помощи.

Прижимаю к себе свою законную добычу и сразу же направляюсь к столовой, мысленно благодаря Илиаса, что он мне подробно все рассказал. Мне даже карта почти не нужна.

Не туда я поворачиваю всего дважды и то почти сразу понимаю это, возвращаюсь и нахожу верный путь. Тем более что потом догадываюсь: студенты спешат именно туда, и я просто иду за ними.

“Главное, не сильно привлекать к себе внимание”, — добавляю мысленно я, но тут же понимаю, что мое личное невезение уже находится тут.

Адреас в компании своих друзей стоит, подпирая плечом колонну навеса около входа в столовую. Мне просто не пройти мимо него незаметно.

Но, может, ему просто будет не до меня? Не одержим же он мной?

И как ответ на этот вопрос — ледяной взгляд Адуреаса, направленный на меня. Внимательный. Кусачий. В груди резко сжимается, по спине пробегают ледяные мурашки.

От неожиданности запинаясь о неровность на дорожке, чуть не падаю, и мой студенческий кристалл выскальзывает из пальцев и летит вперед. Задерживаю дыхание, мысленно повторяя: “Только не разбейся, только не разбейся”!

Но долететь до земли он не успевает: чья-то рука подхватывает его.

— Теперь потерялась не сама, а решила кристалл потерять? — звучит надо мной шуточный голос. — Да, новенькая?

Илиас протягивает мне артефакт, который я тут же сжимаю в ладони.

— Спасибо, — с улыбкой отвечаю я.

Он стоит рядом, хотя уверена, что его до этого момента и не видела. Быстро бежит?

— Всегда рад помочь, — Илиас снова подмигивает и прячет в карманы руки.

— Что, ищешь себе новенькую в группу безмозглых фанаток? — а вот этот голос я точно уже никогда не забуду. Да он мне в кошмарах сниться будет! — Мне кажется, она не в твоём вкусе.

Адреас подошел неслышно, и теперь наша троица привлекает внимание всех, кто идет на обед.

— Просто поддержал новенькую, — отвечает Илиас, не теряя улыбки. — Знаешь, по-человечески, от души. Хотя нет... Тебе это, я думаю, неизвестно. У тебя вообще душа есть?

Глаза Адreasа сужаются, а во взгляде появляется сталь.

— Мы же оба знаем, что это просто игра в благородство, — кривая усмешка Филиса кажется опасной. — Отстань от нее. Чего ты хочешь? Самоутвердиться? За чей счет? Этой несчастной ящери?

Ири становится оранжевым, потом малиновым, потом алым... Илиас в защитном жесте кладет на мое плечо руку, а сам выходит вперед, как будто прикрывая меня от Адreasа.

— Ящери — это пресмыкающиеся. А это Ярика, — спокойно, уверенно отвечает мажору Илиас. — И эта милая девушка уж точно не будет перед тобой пресмыкаться. А самоутверждаться надо только тебе, Филис. Не мне. Это же не на мне практически поставили крест. Я же просто помог и планирую дальше помогать. Ты же помнишь, как трудно бывает новеньким?

— Ты не будешь, — жестко произносит Адreas, а я слышу злость в его голосе.

Не нравится, что у меня появился тот, кто может меня защитить? Еще бы. Теперь, наверное, отравлять мне жизнь будет сложнее!

Илиас даже не повышает голос. Он явно более уравновешен, чем радужный блондин.

— Или что? — тихо усмехается рыжий. — Опять станешь запугивать? Не зря твой отец назвал тебя...

Как он назвал, никто услышать не успевает, потому что Адreas почти без замаха, одним прямым ударом бьет Илиаса в нос.

Глава 9

Удар получился жестким, точным и очень неожиданным. Раздается хруст, и голова Илиаса дергается назад. Я громко охаю от испуга, как будто сама ощутила боль. Но Илиас даже не проверяет свой нос, он отвечает Адреасу двумя не менее мощными атаками. Однако бывший блондин словно предугадывает движения противника, уклоняется, поэтому удары едва достигают цели.

Зато подсечка Адреаса и еще один удар оказываются быстрыми и очень точными. Илиас заваливается назад, очутившись на траве, мотая головой, и вытирает тыльной стороной ладони нос. Несколько капель крови падают на землю.

Адреас небрежно скользит взглядом по противнику и замирает на мне. В его ледяных глазах злость и... что-то еще. Но меня бесит, как его вид буквально кричит, что он уверен в своей правоте.

— Ты что, с ума сошел?! — ору я, поворачиваясь к Адреасу. — Он ничего тебе не сделал! Он просто... мне помог! Или помогать — это теперь преступление в нашем извращенном мире?! Ты просто трус, который бьет исподтишка, когда слова кончились!

— Я ударил в открытую, ящерка, — огрызается бывший блондин. — А если он не может отразить простой удар, значит, дерьмовый из него боевик. Не потому ли он тут?

Все же ему тоже досталось: он потирает челюсть и касается пальцами разбитой губы.

Я присаживаюсь на колени рядом с Илиасом и, достав платок, вытираю его лицо. Он перехватывает мою руку, смотрит с благодарностью. Я отдаю платок, немного краснея от смущения.

— Что здесь происходит? — раздается грозный рык — а ничем иным я это назвать не могу, — и все одновременно замолкают.

На одной из дорожек, стекающихся к столовой, стоит высокий мужчина, с которым я не то что спорить, я бы рядом стоять побоялась! Но кто меня спрашивает, правильно?

Черные глаза, того же цвета, что его одежда и волосы, забранные в хвост, хмуро сдвинутые брови и шрам через всю правую щеку. От него исходит ощущение такой силы и власти, каких я за всю жизнь не чувствовала.

— Филис, — мрачно произносит он, глядя на радужного блондина. — Какого Ярхаша ты творишь?

Они сверлят друг друга взглядами, как будто разговор происходит где-то в их головах, неслышно для остальных. Несмотря на внушающий страх внешний вид мужчины, Адреас не пугается. Да, по нему заметно, что он принимает главенствующую роль того, что со шрамом, но не пресмыкается перед ним.

— У нас тут небольшое недопонимание, профессор Ругро, — спокойно отвечает Филис.

— И оно решается мордобоем? — усмехается профессор. — Я жду тебя в своем кабинете сразу после обеда. Смотри не опоздай. Грейден, — теперь Ругро смотрит на Илиаса, — потрудитесь посетить лазарет.

Кинув на меня хмурый взгляд, преподаватель уходит в столовую, а толпа снова оживает, как будто с нее спало оцепенение. Студенты бросают на нас любопытные взгляды, шушукаются и расходятся.

Адреас больше так и не поворачивается ко мне, уходя прочь от столовой. Так даже лучше. Есть в одном помещении с ним, все время переживая, что он смотрит? Ну так себе идея, конечно.

— Прости за эту сцену, — произносит Илиас, поднимаясь и протягивая руку, чтобы помочь встать мне. — Не представляю, как этого ненормального могли вообще включить в

кандидаты в совет. Хорошо его раскрасили, теперь хоть его сущность петушиная издали видна.

Морщусь от этого замечания: Илиас-то не знает, что это я сделала. Да я сама все еще в замешательстве, как это вышло.

Я опираюсь на его теплую гладкую ладонь и поднимаюсь. Он пытается улыбнуться, но гримаса боли искажает его лицо.

— Как ты? Как нос? — обеспокоенно всматриваюсь, пытаюсь понять степень ущерба.

— Да мелочи, — отмахивается он. — Я же дракон, скоро затянется. А после лазарета вообще ничего видно не будет. Идем, а то у нас питание тут по часам. Не успел — твои проблемы.

Почему-то мелькает мысль, что Андреас останется без обеда, а потом я решаю, что так ему и надо. Нечего было драться! Жалко ему стало, что мне кто-то помочь решил!

Мы с Илиасом заходим в столовую, он показывает мне, как активировать студенческий кристалл. Прикладываю его к специальному пазу на стене и замечаю, как в дальнем конце появляется стрелка того же цвета, что и кристалл, поэтому сразу протискиваюсь туда.

Чувствую, как по пути собираю удивленные и язвительные взгляды, наверняка от тех, кто видел эту странную сцену у входа, а еще тех, кому уже передали приукрашенные сплетни. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы вся академия обсуждала это?

— Привет! — выныриваю из своих мыслей, когда меня окликает забавная курносая девчонка с двумя толстыми русыми косами на плечах. — Я Тайра. А это Бин и Бен. Похоже, ты теперь будешь сидеть с нами.

Она хлопает длинными темными ресницами, обрамляющими глаза красивого лазурного цвета. Меня даже зависть берет от того, какой красотой ее наградила природа. Парни, два очень похожих bruneta в очках с толстой оправой, прерывают свой спор только для того, чтобы услышать, как я представляюсь, а потом снова принимаются увлеченно болтать.

— Я Ярика. Тут первый день, — машу рукой и сажусь за стол.

— Ну наконец-то у меня будет с кем поболтать за едой, а то эти двое...

— Всегда такие? — заканчиваю я.

Она смеется и кивает мне на тарелку, покрытую клошем.

— Давай ешь, а то тут не любят опоздунунов.

Долго меня уговаривать не приходится. Простая еда в виде картофельного пюре и рыбной котлеты кажется мне пищей богов, так давно я нормально не питалась. Нам выделяли небольшие порции в таверне, но их я относил маме — ей нужнее, сама я ела намного скромнее. И реже.

Какое-то время мы просто жуем под непрекращающийся спор Бена и Бина, а Тайра спокойно ерзает. Я вижу, что ей очень хочется о чем-то спросить, но она не решается.

— У вас тут всегда так... весело? — спрашиваю я в надежде узнать хоть что-то об академии.

Но ее встречный вопрос оказывается более неожиданным:

— А правда, что Филис и Грейден тебя не поделили?

Да уж, слухи не только распространяются быстрее пожара в знойной степи, но и додумываются с еще большей скоростью.

Глава 10

Меня, честно говоря, так и тянет ответить: “Конечно! Им же нечего больше делить, как безродную пустышку! Спорят, кто интереснее поиздевается!” Но я предпочитаю сделать вид, что поперхнулась картошкой, и обдумать ответ.

— Я просто оказалась рядом... А Филис...

— Ой, — мечтательно вздыхает Тайра, — говорят, он в прошлом году ради одной девушки разорвал помолвку... Ну, там была запутанная история, и та вроде как его бросила... Короче, когда он уже должен был выпуститься, но вдруг вернулся в академию, восторгов было!

Вот теперь я не выдерживаю и закатываю глаза. Тоже мне нашли причину восторгаться!

— Так с ним же эта... Ист... Красивая такая, — говорю я, едва сдерживаясь, чтобы не вывалить все, что я об этой ненормальной думаю.

— Да... Джессика Леймонт, — отвечает Тайра хмуро. — Она уже всем растрепала, что везде таскается с Филисом. Но... Однажды он же уже разорвал помолвку.

На пухлых красивых губах соседки расцветает мечтательная улыбка, как будто она уже представляет себя стоящей с Адреасом перед священником. Меня аж передергивает. К Ярхашу такие мысли!

— Мне кажется, с ним вообще не стоит иметь дел. У таких, как он, ни совести, ни сердца, — высказываю свое мнение я.

— Но мечтать-то не мешает, — Тайра неопределенно пожимает плечами: то ли серьезно, то ли нет.

Отодвигаю от себя пустую тарелку и принимаюсь за чай с пышной булочкой. Не помню, когда последний раз так хорошо ела.

— Да что в нем вообще такого? У него же разноцветные волосы, — спрашиваю я, как будто меня это удивляет.

— О! Говорят, что его прокляла какая-то ведьма, потому что он не ответил ей взаимностью. А поцелуй девы с чистой душой непременно снимет заклятие, — мечтательно отвечает девушка.

А я прикрываю глаза, чтобы не показывать всем своим видом то, что я думаю обо всем этом. И надо запомнить, что слухи тут разносятся по щелчку пальцев: что с Филисом, который здесь самое раннее с утра, что со мной насчет этой драки. И это они еще про меня не успели ничего придумать. Но это дело времени. К вечеру буду узнавать о себе новое.

Главное, чтобы они не узнали, что это именно я раскрасила их любимчика, иначе мне будет плохо.

Тайра говорит, что заданий пока не очень много, и берет на себя роль моего сопровождающего. Мы выходим с ней из столовой, болтая о расписании, преподавателях на нашем факультете и о том, где взять лучший чай после занятий — не совсем законно, кстати, и идем к хозяйственным постройкам. Мысли о маме, о лекарствах, о зарплате, которую я так и не получила, отодвигаются на второй план, уступая место насущному: нужно обустроиться здесь, чтобы потом суметь помочь своей семье.

В кладовой кастаньями пахнет камфорой, пылью и свежевыглаженным льном. Пожилая женщина с очками на хмуром лице долго рассматривает мои документы и ворчит, что все сроки выдачи уже давно прошли, а дополнительное все — только у комендантши в самом жилом корпусе.

Мне приходится объяснить ей, что я только-только зачислена, для меня это не дополнительный комплект, а совсем-совсем новый. Но ее это не сильно беспокоит, она получает особое удовольствие от самого процесса и того, что кто-то это ее ворчание слушает.

После того как она уходит в одну сторону кладовой, передо мной возникает стопка постельного белья кипенно-белого цвета. Всего по два: наволочки, простыни, пододеяльники. Если я правильно разбираю бухтение кастелянши, то одеяло и прочее ждет меня уже прямо в комнате.

— Ну-ка, дай я на тебя посмотрю, заморыш... — она приспускает очки на самый кончик носа и разглядывает меня. — Ну нет... Таких маленьких размеров у нас нет. Съездишь в город, ушьешь. Ну или дотерпишь до того, как сама с бытовой магией разберешься. А то ишь, сначала изнуряют себя до модного истощения, а потом иди ищи им одежду...

Она скрывается в другой части кладовой, возвращаясь со второй стопкой: две блузки из серой шерсти, шерстяные штаны охристого цвета, такая же юбка в пол, пиджак и еще тренировочный костюм из мягкой кожи. Сверху на это все ложится несколько смен белья, самого простого, но явно удобного, и чулки.

— Обувь сама выбери, стоит при входе, — она показывает на обувницу с весьма потертыми ботинками, хотя мне и такие будут за радость, мои-то точно давно менять пора. — И плащ там же висит. Но они у нас старые, настоятельно советую тебе иметь свой.

Она садится, словно теряя ко мне интерес, но потом внезапно вскидывает голову.

— А, да! Чуть не забыла: ботинки бери побольше, чтобы зимой на носок налезали, а то ноги застудишь. Да и не только ноги...

И все. На этом приемное время заканчивается, я подбираю себе обувь, но плащ не беру: уж совсем они оказываются потертыми, своим пока обойдусь, с трудом подхватываю обе стопки и выхожу на улицу, где меня осталась ждать Тайра.

— Ты что, не отказалась от этих ужасных ботинок? — спрашивает она.

Я еще раз бросаю на нее взгляд. Так-то здесь, на территории академии, сложно понять статус студента. Но, похоже, Тайра если не из богатой семьи, то уж точно из такой, которая не испытывает серьезных материальных трудностей.

— Может, для занятий они будут удобнее, чем мои? — пожимаю плечами.

— Может...

Удивительная девушка: вроде бы по мне и так внешне все ясно — денег нет, статуса нет, проблем выше крыши. А она как будто не замечает.

Груз белья оказывается приличным, но приятным. Это мое. Моя новая жизнь, моя форма студентки академии Лоренхейта. В груди теплится маленькая искорка надежды на то, что теперь станет чуть легче, и даже гордости, что я тут.

Наш жилой корпус оказывается недалеко за библиотекой, что логично, учитывая специальность. Аккуратное трехэтажное здание из теплого песочного камня с древним кленом с уже багровеющей листвой при входе. Небольшое, что, скорее всего, объясняется тем, что на нашем факультете не особо много желающих учиться. Но это даже к лучшему.

Мы с Тайрой прикладываем студенческие кристаллы к основанию ствола клена, и в двери жилого корпуса тихо щелкает замок.

— Тут почти как дома уютно, — говорит она. — Это сейчас почти никого нет, а к ночи все соберутся, и в гостиной будет не протолкнуться.

Внутри действительно царит тишина, нарушаемая лишь далекими шагами и приглушенными голосами из-за дверей. Пахнет деревом, воском, старыми книгами и сухими травами. Мы останавливаемся в большом холле-гостиной, уставленном удобными мягкими диванчиками и шкафами вдоль стен везде, где нет проходов и окон. И правда, уютно.

— Тебе на второй этаж, — говорит Тайра, рассматривая мой кристалл. — Ты вещи закинь свои, а потом еще за учебниками сбегает. Буду тебя ждать тут.

Я киваю и по лестнице поднимаюсь на второй этаж. Кристалл подсказывает нужную дверь небольшим пульсирующим свечением, и я без раздумий прикладываю его к замку, который вполне закономерно открывается.

Толкнув дверь, делаю шаг внутрь и... даже не успеваю рассмотреть обстановку, как замираю. На одной из кроватей, стоящих в комнате, я замечаю сначала голую мужскую спину, а потом и то, что пониже спины. Парень двигается так, что это безошибочно позволяет определить процесс, который мне довелось лицезреть.

А потом по комнате проносится протяжный стон...

Ярхаш... И это мой первый день, которым я должна наслаждаться?!

Глава 11

Краска заливает мое лицо, я не успеваю сдержать вскрик удивления, пячусь к двери, мечтая остаться незамеченной, но стопки в руках рассыпаются, а ботинки с грохотом падают на пол.

— Какого демона? — раздается раздраженный женский голос.

Я слышу шуршание и возню со стороны кровати, но сама сосредотачиваюсь на том, чтобы собрать свои вещи, которые, как назло, разлетелись чуть ли не на полкомнаты.

В поле моего зрения появляются босые мужские ступни, мелькают поспешно надеваемые штаны, и едва слышится ворчливое мужское бухтение. Как только я убеждаюсь, что штаны на месте и я не увижу ничего, что не предназначается для моих глаз, поднимаю голову.

Тут же встречаюсь глазами с раздраженным зеленым взглядом соседки. Опасным.

Красивое лицо с острыми скулами, веснушками и носом с горбинкой, обрамленное короткими, но очень яркими красными волосами. Соседка не выглядит смущенной, только злой.

— Ты кто такая?! И какого дракона ты тут делаешь, ломясь без стука?! — она произносит почти спокойно, прикрываясь одеялом, но с таким видом, будто готова метнуть в меня огненный шар.

Я собираю рассыпанные вещи и чувствую себя полной идиоткой. Иридан переползает с пояса на плечо и замирает в цвете моего кристалла.

— Я... Ярика Сирен, — говорю я. — И теперь я тоже живу здесь.

Соседка морщит нос и кивает парню. Тот хмыкает и быстро уходит из комнаты, я даже не решаюсь рассмотреть его хорошо.

Физически ощущаю, как взгляд соседки скользит по моему поношенному платью, скромной сумочке, по Ири.

— Дай угадаю, кафедра Рукописей, да? — она фыркает и, даже не обернувшись в про-
стыню, поднимается с кровати и берет свою форму. — Охра в кристалле.

Я на миг ошалело рассматриваю ее: ноль стеснения! Хотя... Смысл стесняться, когда выглядишь ТАК! Идеальное тело, тонкая талия, высокая грудь, чуть ли не светящаяся светлая бархатная кожа и... витиеватый узор на спине от копчика до самой шеи. Последняя завитушка заканчивается в волосах, но ее видно, потому как они коротко подстрижены.

Да... я успеваю рассмотреть все.

— Ты бы прикройлась, — наконец справляюсь со своими вещами и подхожу к кровати.

— Я ведьма, Ярика. Лисса Фенвик, — она пожимает плечами. — Одежда, знаешь ли... Просто аксессуар. А если тебя это смущает — стучи, когдаходишь. Ну, если ты, конечно, не любитель подсматривать.

Гнев, смешанный с обидой, подкатывает к горлу. Обычно я гораздо более терпелива. Но сегодняшний день явно оказался “слишком” по всем фронтам. Во мне что-то лопається. Я бросаю на свободную кровать свою кучу вещей и выпрямляюсь во весь свой небольшой рост.

— Поняла, Лисса, — выпаливаю я, глядя ей прямо в глаза, а голос дрожит от возмущения. — Ценю предупреждение. Но учти и ты: я не собираюсь терпеть хамство. Особенно от соседки, которая принимает гостей в нашей общей комнате. Если ты собираешься водить своих, я уверена, многочисленных поклонников, обзаведись ширмой.

— Не боишься объявлять войну ведьме? — усмехается она.

— Война с драконом у меня уже есть, так что вряд ли ты меня еще чем-то сможешь удивить, — отвечаю я соседке и выхожу из комнаты.

Видимо, лицо, с которым я возвращаюсь к Тайре, говорит само за себя.

— Что-то не так? Я думала, ты переоденешься в форму.

— Я тоже так думала, — хмуро отвечаю я. — Пока не познакомилась с соседкой.

— Что, совсем зануда? Или неряха? — сочувственно спрашивает Тайра.

— Если бы. Ведьма, — отвечаю я.

— У-у-у... — взгляд девушки становится совсем серьезным. — Ну... Ты поостерегись первое время что-то оставлять на видных местах. А так... Притреться.

Угу. Притремся. Если я раньше не вылечу стараниями Филиса.

— Но я хочу подробностей! — восклицает Тайра, когда мы выходим из корпуса и направляемся к библиотеке.

Коротко, сквозь зубы, объясняю ситуацию. Тайра сначала широко раскрывает глаза, потом фыркает, а потом начинает хохотать.

— Там хоть было на что посмотреть? — уточняет она.

— Тебя только это интересует? — удивленно смотрю на нее я, а потом тоже начинаю хохотать вместе с ней. — Я не очень рассмотрела. В следующий раз попробую поподробнее.

Осенний воздух пахнет тоской по уходящему лету и свежестью скорой осени. Он немного охлаждает мою тревогу и возмущение, а предвкушение встречи с книгами здорово поднимает настроение. Иридан успокаивается, становясь зеленым с желтыми пятнами — под цвет парка.

Мы проходим через небольшую площадь с лавочками, где почти никого из студентов нет, к зданию с огромными арочными окнами и широкими деревянными дверями. Тайра прикладывает кристалл у входа, и створки бесшумно распахиваются, пропуская нас внутрь.

Я замираю на пороге с открытым ртом. Кажется, что сердце сейчас выпрыгнет из груди от восторга! Бесконечность книг. А потолки... Боги, эти потолки! Они уходят куда-то в бесконечную высь, будто само небо, расписанное причудливыми, мерцающими магическими знаками.

Ряды полок взбираются по стенам и уходят вниз и вверх, как гигантский амфитеатр. Уровни плавно спускаются ступенями, открывая вид на бескрайнее море переплетов. В самом сердце этой невероятной чаши расположен огромный читальный зал. Там уже сидят и работают студенты, я даже начинаю мечтать, как буду на их месте.

Больше всего шокирует и впечатляет то, что от каждой полки, от каждого стеллажа, от каждой книги тянется тонкая-тонкая золотистая ниточка света. Мириады этих золотых волосков переплетаются, мерцают... и все они, все до одной, стекаются сюда, к нам, к длинному, строгому столу прямо у входа. На столе аккуратно разложены маленькие металлические таблички, похожие на ярлыки.

Запах старой бумаги, кожи и чего-то магического витает в воздухе. Это место... оно теперь будет снится мне каждую ночь.

— Чувствую, тебя правильно распределили, — улыбается Тайра. — Прикладывай сюда свой кристалл, и тебе нити подскажут, что нужно взять.

Делаю, как она говорит, и для меня остаются всего семь нитей. Тайра уходит в нужном ей направлении, а я иду к своим книгам. По дороге позволяю себе провести пальцами по корешкам книг. В душе будто цветок распускается!

Первая же книга оказывается по виду очень старой, но это ее не портит, напротив, добавляет ей будто бы солидности и вызывает уважение к этим страницам, которые уже научили сотни, если не тысячи студентов.

Так засматриваюсь на нее, что стук каблуков в тишине заставляет меня вздрогнуть. Книга падает из моих рук, и я наклоняюсь, чтобы поднять. Но становится еще хуже, когда я слышу голос. Слишком знакомый, слишком раздражающий.

— Да... Именно в такой позиции и должна передо мной стоять поломойка.

Еще разборок с Джесс не хватало, чтобы день стал "самым лучшим" в моей жизни.

Глава 12

Внутри уже кипит. Просто от присутствия этой истерички. Вон даже Ири стал красным. Выпрямляюсь, сжимая в руках старую книгу, и поворачиваюсь к Джесс. Она стоит в проходе между стеллажами в своей сине-зеленой форме, которая сидит на ней идеально.

Вот, казалось бы, все в академии одеты одинаково. Только почему на некоторых форма смотрится как платье праздничное?

Джесс заправляет за ухо прядь, будто случайно выправившуюся из прически, но понятно же, что никаких случайностей! На губах играет высокомерная улыбка той, что привыкла ходить по головам.

— Какая неожиданная встреча, — продолжает она, делая шаг ближе. — А я-то думала, что ты поймешь намек Адреаса и убежишь домой. Но нет, решила прикинуться студенткой?

— Я не прикидываюсь, — спокойно отвечаю я, хотя внутри все сжимается от ее тона. Задушить хочется. — Я учусь здесь. Официально зачислена.

Джесс фыркает и подходит еще ближе, так что я чувствую запах ее дорогих духов.

— Учишься? — она окидывает меня презрительным взглядом. — Не-е-ет. Еще не учишься. Только думать так хочешь. Ты вообще читать-то умеешь? Уж не знаю, кого ты соблазнила или подкупила, чтобы попасть сюда, но долго ты здесь не протянешь. Таким, как ты, здесь не место.

Иридан шипит так, что Джесс предпочитает сделать шаг назад, но быстро возвращает своему лицу надменное выражение. Неужели эта ненормальная думает, что я буду молчать?

— Знаешь что, Джесс? — говорю я, глядя ей прямо в глаза. — Мне плевать на твоё мнение. Меня зачислили, и я буду учиться. Даже если мне придется выгрызть это место зубами. И не тебе указывать на мои умственные способности. Судя по тому, как ты себя ведешь, интеллект у тебя примерно на уровне декоративной собачки — много лаешь, но толку никакого.

Лицо Джесс мгновенно краснеет от ярости.

— Какого Ярхаша?! — кричит она, и ее голос эхом разлетается по библиотеке. — Ты... ты... ничтожество! Думаешь, если тебя сюда пристроили, то ты можешь так со мной разговаривать?!

Пожимаю плечами, но воздерживаюсь от реплики, и вовремя.

— Тише! — шипящий голос заставляет нас обеих замереть.

Из-за ближайшего стеллажа появляется высокая, худощавая женщина в строгом черном платье. Ее серые волосы туго стянуты в пучок, а острые черты лица выражают крайнее недовольство.

— В библиотеке не кричат, — холодно произносит она, переводя взгляд с Джесс на меня. — Даже разговаривают редко.

— Эта... особа позволила себе хамить мне! — тут же встречается Джесс, показывая на меня пальцем.

— Кто бы говорил, — фыркаю в ответ я.

Женщина внимательно смотрит на нас обеих и мрачно выносит свой вердикт:

— Обе нарушили правила. Обе получаете наказание. Завтра после занятий — два часа уборки в отделе периодики. Без обсуждений.

— Что?! — Джесс, кажется, краснеет еще больше. — Но ведь это она...

— Студентка Леймонт, еще одно слово, и будет три часа, — обрывает ее женщина. — Или хотите еще за повторение нарушения дополнительные меры? А нет, так берите свои книги и уберите их из библиотеки. Тихо.

Джесс бросает на меня взгляд, обещающий, что это не последний наш разговор, фыркает и уходит, стуча каблуками. Естественно, не последний! Нам же еще завтра как-то вместе выживать два часа. И я не уверена, что библиотека после этого останется целой.

Я собираю остальные книги и направляюсь к выходу, где меня поджидает взволнованная Тайра.

— Ты слышала крики? — начинает она, но я качаю головой.

— Потом расскажу. Пойдем отсюда, — я точно не горю желанием болтать в библиотеке.

— Так это была ты? — как только мы выходим, Тайра хватается за руку и останавливает.

Вздыхаю и коротко рассказываю о стычке с Джесс. Девушка слушает, округляя глаза.

— Ого, — она трет лоб. — Влипла ты. Леймонт — это не шутки. Как ты вообще умудрилась перейти дорогу подруге Филиса?

— Самой интересно, — усмехаюсь я, а Ири, который на самом деле и оказался у истоков этого несчастливого знакомства, старается слиться с цветом моей одежды.

— Ну что, пойдем в корпус? — предлагает Тайра. — Тебе еще надо вещи разложить, а потом на ужин.

Мы возвращаемся в холл, который начинает наполняться голосами и смехом студентов. Я замечаю в уголке Бина и Бена. Они спорят над какой-то книгой. Кто-то сидит у камина и читает вслух своей компании, кто-то просто стоит у окна, будто больше делать нечего. И самое интересное — никому нет дела до меня, новенькой. Это так неожиданно в свете этого дня и так... приятно.

С Тайрой договариваемся встретиться уже на ужине, потому что ей надо еще подготовиться к занятиям. А я стучу в дверь комнаты — урок усвоила. Лисса открывает, уже одетая в обычную, быть может, слишком яркую одежду, и окидывает меня оценивающим взглядом.

— Решила вернуться? — спрашивает она без особого интереса.

— Это моя комната тоже, — напоминаю я, входя внутрь.

— Пока что, — усмехается соседка и ложится на свою кровать с книгой.

— Я приложу все усилия, чтобы надолго.

— Уверена, тебе придется побороться с теми, кто будет прилагать усилия, чтобы нет.

Она уже что-то знает? Или это она про себя? Не хотелось бы.

Начинаю разбирать вещи, заправляю кровать и развешиваю форму в небольшой шкаф, который достался мне по праву половины комнаты.

— А фамильяр у тебя необычный, — внезапно, не отрываясь от книги, замечает Лисса. — Хамелеоны редко идут к слабым магам.

Иридан пока что осваивает мой рабочий стол, периодически меняя цвет.

— Может, он ошибся, — пожимаю плечами я.

Я уже устала отвечать на подобные вопросы. Понятия не имею, как так вышло, что у пустышки такое необычное животное.

— Фамильяры не ошибаются, — твердо говорит ведьма. — Они чувствуют то, что мы сами в себе не замечаем.

Больше за то время, пока я занималась своими вещами, Лисса не сказала ни слова. Да и в столовую не пошла.

Мы с Тайрой снова ужинаем в компании близнецов Бена и Бина, которые спорят о каких-то древних рунах. Девушка рассказывает про порядки в жилом корпусе, про нашу комендантшу-призрака, про расписание, про традиции факультета, я слушаю внимательно и дополнительно расспрашиваю про преподавателей и те предметы, которые нужно подготовить на завтра.

Забавно, но за ужином ни Филиса, ни Джесс я не замечаю. Мне бы вздохнуть с облегчением, но что-то мне подсказывает, что это именно та небольшая передышка, которую мне подкинула судьба.

Вечер провожу за чтением учебников: решаю просмотреть то, что я уже успела пропустить. Сложно? Очень. Моя подготовка явно не идет ни в какое сравнение с тем, что знают те, кто поступает в академию Лоренхейта.

Но от осознания, что я завтра пойду на лекции, а не в таверну к Таллии, настроение поднимается. Я о таком даже мечтать боялась. Боялась, вот поверю, что такое возможно, а потом будет очень-очень больно понимать, что это мне никогда не светит.

Светит! Завтра!

Лисса возвращается уже перед самым сном. Она чертит на своем столе какой-то странный знак и предупреждает:

— Я надеюсь, твой фамильяр не любит лазить по чужим вещам? А то мало ли что у него на уме.

— Ири воспитанный, — в полудреме отвечаю я, поглаживая фамильяра, который свернулся на моей подушке.

Кажется, я слышу скептический хмык ведьмы, но мне уже все равно.

Засыпаю с мыслями о маме, с твердым настроением продержаться здесь, чтобы спасти ее и иметь нормальное будущее. А еще о завтрашнем дне. Хотя нет, о нем я стараюсь не думать, потому что оптимизма верить, что он будет легким, мне не хватает.

Глава 13

Утром просыпаюсь чуть свет, еще до того, как солнце полностью поднимается над горизонтом, потому что давно к этому привыкла: мой рабочий день всегда начинался рано. И я привыкла, что мама еще спит, поэтому у меня есть время тихо прийти в себя и собраться.

В груди болезненно сжимается. Я впервые так долго далеко от мамы, и даже не могу узнать, как она. Справляется ли тетушка Лесси? Не стало ли маме хуже?

Вытираю ладонью непрошенные слезы. Не дело начинать день с этого. Не зря же говорят, чем день начнешь, тем и закончишь. Вот. Лучше улыбнуться.

Лисса уже не спит и что-то бормочет, сидя посередине комнаты на коленях и закрыв глаза. К счастью, одетая.

Иридан недовольно меняет цвет на белый, чтобы больше быть похожим на простыню, и заползает под одеяло. Я же на цыпочках прокрадываюсь к своей одежде и потом запираюсь в ванной.

Мне хочется как можно дольше стоять под водой, потому что дома мне не то что в теплой воде, так даже просто помыться было проблемой. Но изнутри меня все же съедает червячок, что это все временно, что мне обязательно нужно что-то делать, чтобы быть достойной учиться тут.

— Доброе утро, — бормочу я, потягиваясь, выходя из ванной.

Ведьма стоит спиной ко мне, собирая сумку.

— Если ты про утро, то да, утро, — отвечает она, не оборачиваясь. — А насчет доброго — поживем, увидим.

Какая оптимистка! Прямо как я вчера! Так что я вполне разделяю ее скепсис.

— Ну тогда я желаю тебе, чтобы оно было добрым, —жимаю плечами и тоже выбираю учебники, которые мне нужны сегодня, а потом...

Потом понимаю, что у меня все есть для учебы, кроме блокнота для записей и непосредственно пера. Я словно падаю в кипяток! Ну вот не могло все легко пройти.

— Желаешь ведьме доброго дня? А ты смешная, — произносит Лисса. — Держи, тебе, похоже, понадобится.

Она перекладывает на мой угол стола совершенно новый блокнот и зачарованное перо, которое я никогда себе не смогла бы позволить: оно никогда не ломается, не тупится и помогает исправлять ошибки.

— Что ты...

— Ой, только не придумай там ничего в своей головушке такого. Это за то, что твоя ящерица не суется, куда не стоит, — фыркает Лисса, надевает на плечо сумку и выходит из комнаты.

Ири высовывается из-под одеяла и переползает на стол, а потом к блокноту, который я так и не решилась взять. Я настолько не привыкла доверять другим, что теперь кажется, что и тут меня ждет... проклятие? Кто знает, может, Лисса решила отомстить мне за вчерашний испорченный романтический... кхм... денек.

Иридан заползает на блокнот и касается его языком. Ничего не происходит. Фамильяр переводит свои большие глаза на меня и два раза медленно моргает. И только после этого я решаюсь взять.

Чем... Чем я могу теперь ее отблагодарить?

Завтрак оказывается простым, но очень сытным: каша, хлеб и чай, но и это кажется роскошью, потому что я вряд ли могла бы на это рассчитывать дома. Бин и Бен, как обычно, не обращают на меня внимания и что-то обсуждают.

А Тайра болтает о предстоящих занятиях.

— Слушай! Я же совсем забыла тебе вчера сказать! — внезапно восклицает она. — Сегодня на занятии по основам защитных заклинаний по первому разделу будет проверочная работа.

Какая... прелесть. Я нервно сглатываю, а по Ири начинают расплываться красные пятна. А мне ведь так нравится, когда он зелененький! Эх...

Да что там говорить, по мне по самой бегут мурашки, а в животе начинает разрастаться нервный тяжелый комок. Особенно когда Тайра добавляет:

— А говорят, профессор Мариенто очень не любит, когда к ее предмету относятся без внимания. Она даже на экзамене специально из-за этого завалить может.

А кто из преподавателей это вообще любит? А до экзамена мне вообще еще надо продержаться! Только вот что-то такой способ самоподбадривания не сильно поднимает настроение.

Нам на стол ложатся четыре листа, которые мы сначала принимаем за какие-то брошюры, но оказывается, что это информационные листовки.

— Ого! Грант на обучение по обмену в академии в соседней стране? — почти хором произносят Бин и Бен. Мне кажется, я впервые вижу, что они увлечены чем-то, кроме спора между собой.

А информация действительно интересная: Гендрик Холливан объявляет конкурсный отбор для получения гранта с возможностью бесплатного годового обучения в Северной Айкидонии, горной стране, которая считается довольно закрытой и не жаждущей принимать гостей.

Внимательно вчитываюсь в условия, но резко вскидываю голову и оборачиваюсь, когда чувствую, словно меня вот-вот продырявят. Мысленно, конечно. Лишь на мгновение пересекаюсь взглядом с Адреасом, сидящим на другом конце столовой, после чего он делает вид, что даже не смотрел на меня.

— Да туда даже въезд по специальным разрешениям! — говорит Бен.

— Тем интереснее становится выиграть этот грант, — отвечает Бин.

Если я их правильно запомнила, конечно.

Сама я просто складываю листовку и засовываю в сумку. Мне бы с текущими занятиями вопрос решить, не то что с отбором для гранта.

Первой парой идет лекция по истории магических книг у профессора Тиртен. Аудитория большая, студенты рассаживаются свободно, точнее, группами, которыми, скорее всего, и общаются. Тайра тянет меня на первый ряд, хотя я бы предпочла место где-то в середине, чтобы остаться незамеченной.

— О, у нас сегодня пополнение, — с улыбкой произносит преподаватель. — Не вовремя. Но... лучше ведь поздно, чем никогда.

Профессор Тиртен оказывается пожилой женщиной с седыми волосами и пронизательными серыми глазами, которых вовсе не касается улыбка. И я очень сильно начинаю сомневаться, что она действительно имеет в виду то, о чем говорит. Поэтому тревога в груди становится еще сильнее.

Об истории книг, уже нового времени — видимо, всю древность я пропустила — она рассказывает очень размеренно, но безумно интересно. Мне даже начинает казаться, что она действительно видела все своими глазами. Рассказывает о библиотеках, которые были разрушены, о новых способах защиты особо опасных книг, а также о том, что есть книги, которые уничтожали специально.

Я записываю все подряд, но быстро понимаю: половина отсылок в ее лекции мне незнакома. Когда профессор упоминает “руны Древней Айкидонии” или “письмена на Севенских

камнях”, я чувствую себя потерянной. Другие студенты кивают, что-то записывают, а я... я просто пытаюсь не отстать совсем.

К концу лекции голова гудит от количества новой информации, которую мой мозг отчаянно пытается уложить по полочкам.

Из аудитории я просто вываливаюсь. Тайра о чем-то щебечет, я даже не могу понять о чем. Просто иду следом за ней, потому что, если буду пытаться найти сама — запутаюсь. Мне пару раз мерещится радужная голова, но, когда я начинаю присматриваться, понимаю, что показалось.

— Убираем со столов все, кроме перьев, — раздается мелодичный голос еще до того, как я успеваю увидеть его обладательницу. — На работу дается час. Списывание карается дополнительным рефератом. А не сдавшие получают дополнительные вопросы на экзамене. Если доучатся до него.

13.1

В аудиторию входит девушка с абсолютно белыми волосами и почти бесцветными глазами.

— Профессор Мариенто, — где-то за моей спиной выдыхает парень с явно восторженной интонацией.

Преподаватель раздает листы, и каждый из студентов с улыбкой берется за вопросы. Я, которая просто дрожала от страха еще минуту назад, с появлением профессора успокаиваюсь и, кажется, с воодушевлением жду своего провала.

Не понимаю, что происходит, но, даже несмотря на то, что все вопросы мне кажутся написанными на иностранном языке, чувствую необычайное воодушевление.

“Объясните принцип взаимодействия базовых защитных плетений магии с внутренними потоками”.

“Опишите три основных способа концентрации на плетении в условиях опасности”.

“Какие факторы влияют на стабильность защитного плетения?”

Я читаю вопрос за вопросом, расставляю галочки наобум, а в развернутом ответе пишу какую-то откровенную ерунду. Иридан нервно меняет цвета — от серого к коричневому, потом к блеклому желтому. Он, по-моему, переживает больше меня.

Тайра рядом пыхтит, высунув язык, а у меня даже не возникает мысли попросить ее помочь. Это будет предательством так обманывать профессора Мариенто! И вообще, она удивительная! Такая молодая, а уже профессор. Я тоже так хочу!

К концу занятия у меня заполнено все. Кое-как, но от всей души, честное слово! Когда Мариенто собирает работы, я вижу, как ее взгляд задерживается на моем листе, а потом на мне. И это единственный момент, когда по спине пробегает холодок, а улыбка сползает с лица.

— Все молодцы, — спокойно, как тихий перезвон колокольчиков, произносит Мариенто. — Результаты вы получите через студенческий кристалл. Все свободны.

Как только за ней закрывается дверь, с меня словно сдергивают зачарованное покрывало! Восторг отхлынул, как волна с берега, и остается только понимание, что я ничего не ответила, если быть совсем честной с самой собой. Потому что ничего не знала.

Остается вопрос: что это было?

— Тайра, — шепчу я. — Ты тоже это чувствуешь?

В отличие от меня, Тайра смеется и отмахивается:

— Это Мариенто. Она прекрасно воздействует на наши эмоции и помогает не переживать по поводу самостоятельных.

— Разве это законно? — спрашиваю я, едва справляясь с тем, чтобы засунуть перо в сумку.

— Это не используется во вред, — пожимает она плечами. — Ректор сказал, что тем, кто научится первым противостоять воздействию Мариенто, он даст дополнительные каникулы.

— И что, кто-то хоть когда-то справлялся?

— Были близняшки, — отвечает Тайра. — Больше до специального курса, который, кстати говоря, тоже ведет Мариенто, никто не научился.

Выходя из аудитории, я чувствую себя разбитой. Все мои вчерашние мечты о блестящей учебе разбиваются о суровую реальность. Я ничего не знаю. Совсем ничего. И если так пойдет дальше, меня отсюда выгонят еще до конца месяца.

— Как вообще такое возможно? Она же, похоже, сама недавно закончила академию! — вырывается у меня, потому что это ну никак не укладывается в голове.

— Не обольщайся, — качает головой Тайра. — Про нее рассказывают...

Но что рассказывают, я услышать не успеваю, потому что меня окликает Илиас:

— Эй, новенькая! Как дела?

Он идет навстречу с улыбкой, в руках держит стопку книг. Нос у него почти зажил — магия драконов и правда действует быстро.

Тайра кидает взгляд на меня, затем на Илиаса, а потом поднимает руку и машет кому-то в толпе:

— О, Марта! — кричит она. — Подожди, я кое-что хотела у тебя спросить!

Я не успеваю ее остановить, а девушка взмахивает своими косичками и скрывается в потоке студентов. Кажется, Илиаса даже радует такой поворот событий, он только сильнее расплывается в улыбке:

— Как тебе первые занятия?

— Привет, — отвечаю я, стараясь не показывать своего унылого настроения. — Все, как и положено: сразу дали понять, что мне придется работать за четверых, если я хочу остаться учиться.

— Кто такой суровый?

— Да дело не в суровости. Мариенто суровой даже при большом желании назвать не получится, — невесело смеюсь я.

— О... Да, с ней не соскучишься!

— Если честно, — признаюсь я, — чувствую себя так, будто попала на курс для гениев, а сама еще алфавит толком не выучила.

Илиас смеется — звонко и тепло.

— У всех так поначалу. Я помню, в первую неделю думал, что меня сюда по ошибке приняли. Закончил же, теперь на дополнительной специализации, — он вдруг внимательно смотрит на меня и хмурится. — У тебя воротник съехал.

Не успеваю отреагировать, как он подходит ближе, чуть склоняется и заботливо поправляет воротник моей блузки. Его пальцы едва касаются моей шеи, и я невольно задерживаю дыхание. Он стоит совсем близко, пахнет чем-то свежим, немного горьковатым.

— Вот так лучше, — говорит он, отступая с улыбкой.

— Спасибо, — бормочу я, чувствуя, как щеки предательски краснеют.

Никогда бы не подумала, что буду так смущаться от внимания парня. Да что там... Я вообще об этом не особо-то и думала.

— Если будут проблемы с учебой, обращайся. У меня есть неплохие конспекты за прошлые годы, могу одолжить, — продолжает Илиас.

— Я постараюсь сама, — качаю головой.

— Еще увидимся, — Илиас подмигивает, оборачивается на миг и уходит.

Тяжело вздыхая и лезу в сумку за расписанием и картой: еще одна лекция перед обедом, а Тайра убежала, мне даже спросить теперь некого, куда мне идти.

— Держись от него подальше, — раздается надо мной до колючих мурашек уже раздражающий голос.

Глава 14

Я вздрагиваю и поднимаю взгляд. Филис стоит всего в шаге от меня, его разноцветные волосы кажутся еще более яркими в свете коридорных светильников. Он хочет казаться спокойным, но глаза выдают высшую степень раздражения.

— Что? — наверное, самое глупое, что я могла сейчас спросить, но я действительно не поняла, какого Ярхаша он считает, что вправе вот так ко мне заявляться?

Снова тянусь дотронуться до своего кулона... которого нет, и от обиды сжимаю кулаки. Адреас замечает мой внезапный жест и прищуривается, будто в его голове мелькает какая-то мысль. Но он явно ее откидывает в сторону:

— Держись от него подальше, ящерка, — произносит он, не сводя с меня ледяных глаз. — Тебе не нужно с ним общаться.

— А ты-то откуда знаешь, что мне нужно? — огрызаюсь я, чувствуя, как во мне снова закипает злость. — Что ты вообще можешь знать? Ты, богатый избалованный мальчик!

Адреас молчит, сжимая челюсти. В его глазах мелькает что-то болезненное, но он быстро прячет это за злой усмешкой.

— Я знаю гораздо больше тебя. И, поверь, тебе не хотелось бы повторить мой опыт.

Он делает еще один шаг ко мне, и я вижу, как в его взгляде борются противоречивые чувства. Что-то темное и притягательное мелькает в глубине зрачков, внезапно ставших вертикальными.

— Даже если так, какое тебе дело? — резко спрашиваю я, тоже делая шаг вперед. — Не все ли равно, с кем “поломойка” общается?

Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах. Я чувствую исходящее от него тепло, его дыхание на своем лице.

— Да ты настолько упертая и недалёковидная, что не видишь очевидного! — говорит он сквозь зубы, но его голос дрожит от напряжения. — Думаешь, он случайно оказался рядом? Случайно предложил помощь?

— По крайней мере, он действительно помогает мне! Ты только и умеешь, что болтать!

Адреас резко отступает, словно его обожгло.

— Забудь. Делай что хочешь. Но потом не плачь, — в его голосе появляются металлические нотки.

— Это мне говоришь ты? — шиплю я, сжимая кулаки и поднимая выше подбородок. — Тот, кто с первого дня ведет себя как полный...

— Кто?

— Придурок! — кричу я, чувствуя, как меня трясет от ярости.

Лицо как будто обжигает жаром, в груди взрывается, и ближайшее к нам окно разлетается сверкающими осколками. Адреас делает шаг в сторону, поворачиваясь спиной к окну и случайно закрывая меня от летящего стекла.

— Студенты Филис и Сирен! — раздается рядом мощный голос ректора. Могу поклясться, он появился просто из ниоткуда! — В мой кабинет. Оба.

Ректор не дожидается того, чтобы мы следовали за ним, не пытается исправить то, что я натворила с окном, просто разворачивается и уходит. И... Я буквально теряю его из вида. Вот он был... А вот его уже нет.

На нас оборачиваются другие студенты. А лицо Филиса теперь настолько злое, что я готова бежать куда угодно, хоть на другой конец академии, только бы подальше от него. Иридан вцепился коготками в мое плечо, стал насыщенного фиолетового цвета и немного дрожит.

— Что с тобой? — хмурюсь и обеспокоенно спрашиваю фамильяра. — У тебя все хорошо?

Намеренно делаю вид, что Андреаса тут нет, и меня вообще не интересует его мнение.

— У твоего хамелеона все прекрасно, а вот у нас опять проблемы. Из-за тебя, — рычит Филис совсем по-драконьи! — Идем. Ферст ждет нас.

— И вовсе не из-за меня, — фыркаю в ответ, но спешу следом за уходящим радужным злокой.

Мы молча идем сначала по коридорам, а потом через улицу к уже знакомой башне с часами. Андреас держится на расстоянии, не глядя в мою сторону, но я чувствую исходящее от него напряжение. Иридан тревожно переливается красными оттенками.

В кабинет ректора Филис входит первым, даже без стука. Ферст уже ждет нас за своим массивным столом, кивая на два стула перед ним.

— Это порча имущества академии, — коротко произносит он.

— Это недоразумение, ректор Ферст, — отвечает Андреас.

— Студент Филис, — хмыкает ректор. — Мы прекрасно знаем цену различным случайностям и недоразумениям. И то, что за ними может скрываться.

Он произносит это так, будто за простыми словами прячется что-то более... серьезное. Неужели Филис всегда был занозой в мягком месте и уже успел в чем-то провиниться до этого?

— Господин ректор, — я сжимаю кулаки. — Возможно... Возможно, это была я.

Ферст переводит на меня взгляд и удивленно поднимает бровь. Он берет с угла стола, из самой верхней папки, исписанный лист бумаги.

— Знаете, что это? — спрашивает он меня, а я в ответ мотаю головой. — Это заключение профессора Курт, согласно которому с помощью магии вы можете... зажечь световой шар минимальной яркости. Или создать поток ветра, который едва поколеблет занавески. И вы утверждаете, что окно — ваших рук дело?

Звучит действительно смешно. Даже Ири стал игривого розового цвета, что не укрылось от взгляда ректора.

— Идите, студентка Сирен, — кивает он мне на дверь.

— Как? — я удивленно хлопаю глазами.

— Ногами, Ярика, ногами, — серьезнее говорит ректор.

— Но, господин... — начинает возмущенно Андреас.

— А с вами, студент Филис, мы еще поговорим, — перебивает его Ферст.

Я кидаю на Андреаса растерянный взгляд, но потом вспоминаю, что причиной вообще всех проблем является именно он, поэтому подхватываю свою сумку и практически сбегáю.

Отличное начало учебы. Даже более фееричное, чем первый день в академии.

Только теперь осознаю, что катастрофически опаздываю на третье занятие. Да еще и плохо знаю, где оно — вроде бы в каком-то... вольере.

До него добираюсь уже вся в мыле, натерев мозоль на левой пятке и ругая маленьким язычком Филиса. Я очень некрасиво вваливаюсь внутрь и застываю под пригвождающим взглядом преподавателя.

— И вам доброго дня! — хмуро произносит он. — Двадцать минут опоздания... Не совсем дотянули до рекорда, но вы были близки. С вас сообщение по любому из фамильяров вольера — придете, получите у моей помощницы образец. Сейчас займите свое место.

Я прохожу под любопытными взглядами однокурсников и усаживаюсь на длинную скамью с самого края. Занятие проходит мучительно медленно.

Флофф рассказывает о различных типах связи между магом и фамильяром, а я пытаюсь сосредоточиться на записях, но мысли постоянно возвращаются к спору с Андреасом.

За обедом Тайра сразу же набрасывается на меня с расспросами:

— Я слышала, ты была там рядом, когда окно взорвалось. Это правда? — хлопая своими густыми ресницами, трещит Тайра. — Ох... я так рада, что вовремя ушла оттуда! А правда, что тебя Филис прикрыл?

В глазах — чистейший восторг и желание вознести этого разноцветного придурка к небесам и объявить героем.

— Прикрыл, — решаю не разбивать ее веру в хорошее в людях.

— Ах... А, может, мне не нужно было уходить? Тогда бы он прикрыл меня...

Тогда бы, может, вообще ничего не взорвалось. И никого бы защищать не пришлось.

— А! Слушай, а ты уже выбрала?

Я очередной раз понимаю, что что-то упускаю.

— Что я должна была выбрать?

Тайра округляет глаза:

— Книгу! Если ты не выберешь книгу, на которой будешь приносить клятву, то ты не сможешь участвовать в посвящении сегодня вечером! Это же катастрофа!

Мне еще этого не хватало.

Глава 15

— Еще и посвящение какое-то? — устало потираю лоб.

Тайра — очень милая и открытая девушка. Но это просто невозможно, насколько она легкомысленна: то про проверочную забыла, то про посвящение не рассказала.

Конечно, логично, что она в этом уже некоторое время варится, и все кажется ей уже логичным и привычным. Мне от этого не легче, к сожалению.

— Что там будет? — решаю я все же спросить, чувствуя, как в животе снова завязывается знакомый узел тревоги.

Тайра хмурится, оглядывается по сторонам и наклоняется ко мне, продолжая шепотом:

— Это секрет! Преподаватели не должны знать! — тараторит она встревоженно. — Студенты старших курсов собираются в дальней части академии, там, где когда-то была старая библиотека, и проводят ритуал клятвы Хранителя рукописей. Каждый приносит свою особенную книгу и дает клятву.

— А что, если я не пойду? — осторожно интересуюсь я.

Тут на меня даже Бин и Бен смотрят как на ненормальную. Тайра бледнеет.

— Ты что! Если ты не придешь, это будет считаться отступничеством! Говорят, года два назад одна девочка не пришла, так ее потом все обходили стороной и считали предательницей, — объясняет девушка.

Отлично. Еще одна группа людей, которые могут подпортить мне учебу тут. Просто из-за того, что я не захочу участвовать в их странных тайных ритуалах.

— И что там должна быть за книга? — вздыхаю я.

— Какая-то важная для тебя. Говорят, что она должна сама тебя выбрать, — Тайра стреляет глазами по сторонам. — Ты же не думаешь пропустить?

Качаю головой. На самом деле думаю, но не признаваться же ей в этом?

Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. И с Тайрой надо будет побольше поболтать, вдруг она опять что-то забыла мне рассказать?

Под внимательным, даже подозрительным взглядом соседки доедаю обед, и мы убегаем на лекцию по теории плетений.

Иридан устраивается на моем плече, время от времени меняя цвет с зеленого на желтый. Кажется, ему эта лекция кажется особенно интересной.

Преподавательница — молодая женщина с короткими каштановыми волосами — говорит быстро и четко, рисуя в воздухе светящиеся схемы. Я отчаянно пытаюсь успевать записывать и зарисовывать, но она упоминает базовые вещи, которые она давала на предыдущих занятиях, и в эти моменты я теряюсь.

Может, все же согласиться на предложение Илиаса и взять конспекты? Ведь наверняка так будет проще.

К концу лекции у меня болит рука от записей, а в голове — каша из новых понятий. Возвращаюсь в комнату, уставшая и растерянная. Стучу. На всякий случай.

Я, конечно, вредная, но смотреть на чужой голый зад снова мне не очень хочется, даже если он хорош. Поэтому вхожу только после одобрительного крика Лиссы.

Ведьма сидит на своей кровати, читая толстую книгу в черном переплете. Я даже не хочу думать, из чего сделан этот переплет. Она поднимает глаза, когда я вхожу.

— Как дела у ходячей проблемы академии? — с напускным равнодушием интересуется она.

— Я жива, — отвечаю я, доставая учебники из сумки. — Даже если ты разочарована этим.

— Слышала, ты взорвала окно, — продолжает Лисса, возвращаясь к книге.

— Ректор сказал, что это не я. Это Филис.

Кажется, теперь я умудряюсь ее удивить, потому что она снова пристально смотрит на меня, словно оценивая:

— Ты сама-то в это веришь?

— Я уже не знаю, во что верить. Кроме того, что мои проблемы разрастаются в геометрической прогрессии, — тяжело вздыхаю я и плюхаюсь на стол, открывая первый конспект.

Следующие два часа провожу за учебниками. Информации слишком много, она плохо укладывается в голову. А мне даже спросить некого!

Иридан устраивается рядом с чернильницей и наблюдает, как я заполняю страницы конспектов. Так увлекаюсь, что едва не забываю, что мне нужно идти в библиотеку на отработку с Джесс.

Отдел периодики, куда нас отправили отрабатывать, нахожу на втором уровне библиотеки, в дальнем крыле. Это отдельное помещение, заставленное стеллажами с журналами, газетами и брошюрами.

Похоже, тут нет ничего особо старого, только последние выпуски, максимум за пару месяцев. Но зато все. В прямом смысле слова все известные в стране периодические издания.

Джесс уже ждет меня, сидя за маленьким столиком и подпиливая ногти. Она даже не поднимает глаз, когда я вхожу.

— Ну наконец-то явилась, — произносит она с издевкой. — А я уж обрадовалась, что после сегодняшнего представления с окном ты вообще свалишь из академии.

— Нет, порадовать нечем, — усмехаюсь я, осматриваясь и прикидывая, какая работа мне тут грозит.

— Ну и дура, — Джесс наконец поднимает взгляд и смотрит на меня с откровенным презрением. — Вон те коробки нужно разобрать, рассортировать по датам и составить каталожные карточки. Постарайся ничего не взорвать.

Мои брови, кажется, взлетают к кромке волос. Раздражение, копившееся весь день, накрывает меня неотвратимой волной. Это должно было произойти когда-то. Ну... и почему бы не сейчас, правильно?

— Кажется, ты не понимаешь значения фразы “наказаны обе”. Если ты своими обесцвеченными мозгами думаешь, что я буду делать за тебя всю работу, — усмехаюсь я, — ты зря так думаешь.

— А ты не обалдела ли, пустышка? — Джесс багровеет от возмущения и вскакивает, готовая снова заорать. — Ты с чего решила, что можешь со мной так разговаривать?

— На тебя смотрю и привычки перенимаю, — огрызаюсь я. — А будешь орать, получишь еще одно наказание. Или... может, ты тоже хочешь себе радужную шевелюру? Отлично будете с Филисом парой смотреться!

Иридан недовольно меняет цвет на темно-красный и прячется у меня за воротником.

— Знаешь что, нищевродка? Не строй из себя невинную овечку. Все прекрасно понимают, что твое поступление — это чистая случайность. Места в академии должны доставаться тем, кто их заслуживает, а не всяким подобранным.

Я вижу, что она снова пытается пройти по больной мозоли. Но дважды повторенное оскорбление уже теряет свою прелесть.

— Как думаешь, а про тебя не говорят, что ты тоже только благодаря папочке и его влиянию поступила? Сама-то не больше, чем пустое место!

Она округляет глаза и открывает рот, хотя слова не идут. Ну и отлично.

Я подмигиваю ей и забираю одну из коробок, отходя к угловому столу, чтобы разобрать ее. Работаю молча, периодически чувствуя на себе ненавидящий взгляд Джесс. Она на удивление тоже начинает копошиться в журналах.

Два часа заканчиваются быстро, потому что работа оказывается интереснее, чем я думала. Мне попалась коробка с местной желтой прессой, и... чего я там только не узнала!

Кто с кем женится, кто с кем спит, кто кому проигрался в пух и прах. Понятия не имею, зачем академии эта информация, но я со всей ответственностью разложила все журналы и газеты по местам.

Джесс сбежала так, словно за ней летел рой диких пчел. Я же аккуратно ставлю оставшиеся коробки и решаю пройти вдоль стеллажей, полюбоваться красивыми корешками фолиантов.

Мое внимание привлекает тонкая книжка в темно-синем переплете, затертом по краям. На обложке золотыми буквами написано: «Предания Северной Айкидонии».

Надо же... Я думала, что книг о наших соседях вообще не существует: говорят, что они постарались уничтожить все, что хранилось в других странах.

Осторожно беру книгу в руки. Страницы пожелтели от времени, но текст четкий. Сердце начинает биться быстрее. Будто эта книга специально ждала, когда я ее найду.

Иридан осторожно переползает на нее и становится темно-синего цвета, точь-в-точь как обложка.

Выхожу из библиотеки, крепко держа найденный фолиант в руках. Кажется, я все же пойду на ритуал клятвы.

Глава 16. Адреас Филис

За этой назойливой ящеркой захлопывается дверь ректорского кабинета. Она уходит без наказанной, а я остаюсь. Ферст неодобрительно сверлит меня взглядом, наверное, прикидывая, как лучше меня наказать.

Все пошло наперекосяк с самой первой встречи с этой занозой. Я не позволил ей окончательно быть униженной Джесс, но при этом заимел... эти гребаные разноцветные волосы!

Я сжимаю кулаки так, что хрустят суставы. Потому что именно из-за этой нелепости все мои планы пошли ящерам под хвост, а я опять очутилась тут. “Значит, пяти лет оказалось для тебя недостаточно!” — отличный вердикт отца.

— Может, поделишься? — спрашивает Ферст, откидываясь на спинку кресла и переплетая пальцы перед собой. — Что там на самом деле произошло?

Что, что? Она устроила сцену, взорвала окно, а теперь спокойно ушла, оставив меня разбираться с последствиями. И это после того, как я хотел всего лишь предупредить!

Какого Ярхаша я вообще об этом подумал? Шел бы мимо, сейчас был бы с друзьями, а не тут. Однажды уже решил поиграть в благородного парня, в такой заднице оказался. Да еще и...

Жалко девчонку стало! Не хватало еще, чтобы у меня это в привычку вошло, несчастных да обделенных спасать с такими большими испуганными глазами, такими длинными ресницами, такими розовыми пухлыми губками...

— Адреас, — выводит меня из мыслей, зашедших явно не в ту степь, ректор. — Что с тобой творится? Мы же оба знаем, на что ты на самом деле способен.

— Да какой в этом смысл? — огрызаюсь я. — Давайте уже, сделайте меня, наконец, крайним, и я со спокойной душой пойду исполнять наказание.

Внутри все кипит от несправедливости. Уже сделали все выводы? Отлично!

Почему всегда я должен отвечать за чужие ошибки? Почему я должен терпеть нотации, когда пытался помочь?

Ферст лишь поднимает бровь и качает головой:

— Идите к профессору Ругро, — выносит свой вердикт ректор. — Он сегодня свободен, поэтому, я думаю, не откажется от удовольствия заняться своим любимым студентом.

О, да! Он все еще неровно дышит ко мне с тех пор, как я пытался встречаться с его истинной. По-моему, он больше всех был рад тому, что я вернулся в академию, а особенно когда его назначили моим куратором.

— Как скажете, ректор Ферст, — цежу сквозь зубы и резко поднимаюсь со стула.

На пороге сталкиваюсь с профессором Мариенто. Никогда ее не любил: при всей ее внешней привлекательности я не мог отделаться от постоянного ощущения опасности рядом с ней, когда она не использовала свою силу.

Профессор лишь на долю секунды задерживает на мне свой взгляд и тут же теряет интерес. Я обхожу ее, безжалостно давя в себе желание хлопнуть дверью. Но зато до меня доносятся слова преподавательницы:

— Господин ректор, я должна вам кое-что показать, — говорит она. — Это касается новой ученицы.

Ящерка? Это про нее?

Делаю вид, что спотыкаюсь, чтобы задержаться и прислушаться, но Мариенто замолкает. Понятно, это не для моих ушей. Но о чем это может быть?

Впрочем, неважно. С какого перепуга меня вообще должна интересовать эта заноза? Правильно, только с той точки зрения, что она должна мне: она обязана убрать заклятье с моих волос. Раз уж это не смогли сделать знакомые маги-мастера.

Тренировочный зал декана Ругро находится в боевом корпусе. Спускаюсь по каменным ступеням, и с каждым шагом злость во мне нарастает. Потому что мысли снова и снова возвращаются к ящерке. К тому, как она улыбалась Илиасу. Какого демона она вообще подпускает его так близко?

Она совсем наивная дурочка или... ищет покровительства? Сжимаю челюсти: это же нормально предложить защиту первогодке за определенные виды оплаты. Только вот я не думал, что ящерка на такое может согласиться.

Дракон рычит, подстегивая мою злость.

Толкаю тяжелую дверь так сильно, что она распахивается настежь и с грохотом ударяется о стену.

Ругро ждет меня посреди площадки, скрестив мускулистые руки на груди. Декан выглядит так, словно с самого утра вынашивал план, как притащить меня в этот тренировочный зал. Он вчера предупреждал, что «следующая моя выходка» закончится тут. Ну... выполнил обещание.

Его шрам во всю правую щеку некрасиво искривляется, когда он усмехается, глядя на меня:

— Ферст передал, что тебе нужно выпустить пар, — хрипло произносит он. — Я жду.

Скидываю свою куртку, разминаю шею, прикидывая, каким плетением отвлечь Ругро, прежде чем перейти врукопашную. Он стоит совершенно расслабленный, хотя я точно знаю, что, даже если его во сне атаковать, он сможет уложить на лопатки.

Поэтому замахиваюсь и бью его в челюсть без «предварительных ласк» — все равно бесполезно. Мне даже на мгновение кажется, что Ругро не уклонится, но он уходит в последний момент, пропуская мой кулак мимо себя, резко перехватывает запястье и выкручивает.

В ответ на это я бью коленом и выпускаю плетение, которым обездвиживаю руку Ругро. Он блокирует поздновато, но не давая закрепиться магическому воздействию. И снова переходит в атаку.

Следующие полчаса превращаются в ожесточенный бой. Ругро не щадит меня — каждый удар, каждый захват причиняет боль. А я отвечаю всей накопившейся яростью, пытаюсь выплеснуть все, что кипит внутри.

Злость на самого себя, на обстоятельства, на несправедливость, на то, что ящерка слишком часто появляется в моей жизни, каждый раз только осложняя ее, подстегивает. Но в то же время делает рассеянным.

— Хватит! — рычит декан, прижимая меня к земле болевым захватом. — Ты дерешься как бешеный зверь, а не как боевой маг.

Отпускает меня, и я тяжело дышу, вытирая кровь с разбитой губы. Он опускается на землю рядом со мной. Ну, по крайней мере, он тоже устал, а это уже показатель, что я не совсем пустое место.

— Ярость — это инструмент, Филис, — продолжает Ругро. — Она должна быть твоим союзником, а не хозяином. Когда злость управляет тобой, ты становишься рассеянным. Любая эмоция должна быть союзником. Либо ты должен избавиться от нее.

— Злость не управляет мной, — отвечаю я.

— Нет? — декан усмехается. — И кому ты врешь?

Сжимаю кулаки. Он прав, и это бесит еще больше. Молчу, потому что не знаю ответа. Или не хочу его знать.

— Учись управлять гневом, Филис. Если эмоции управляют тобой, ты становишься бесполезным в бою.

— Я. Не. Бесполезный.

Перекаत्याюсь, встаю с пола и забираю свою куртку. Даже не дожидаясь, когда Ругро скажет, что занятие завершено, ухожу из зала.

Возвращаюсь в свою комнату, разбитый и опустошенный. Ярости уже нет — все выпустил на тренировке, но вместо нее как будто дыра в груди. Хочется ее чем-то заткнуть. Кем-то.

Иду в душ и долго стою под горячими струями воды, пытаюсь смыть не только пот и кровь, но и всю дневную злость. Может, Ругро прав? Может, я действительно даю слишком много воли эмоциям?

Ведь мог же в разговоре с отцом сдержаться. Все бы тогда вышло иначе.

А мог не вмешиваться в конфликт Джесс и этой занозы. И в остальных случаях мог не вмешиваться — пусть бы ящерка сама выбиралась из тех проблем, в которых оказалась бы. Не хочет слушать предупреждений, то это ее выбор. Больше не буду влезать.

Выхожу из ванной, обмотавшись полотенцем, и застываю. На моей кровати в соблазнительной позе лежит Джесс, накручивая на пальчик свои светлые волосы.

— Привет, — мурлычет она, переходя своими пальчиками на пуговицы блузки. — У меня сегодня был тяжелый день. Я так соскучилась!

Мой взгляд скользит по ее телу. Как будто скульптор с помощью расчетов все подгонял к идеальным пропорциям. Хотя... Может, не скульптор, может, магический хирург? Впрочем, какая разница. Главное — красиво.

Не то что у ящерики: грудь не очень большая, бедра чуть шире идеального, а талия, наоборот — тонкая-тонкая. Такая, что кажется, будто ее можно обхватить ладонями.

— Тебя тоже загонял Ругро? — вклинивается в мои мысли о ящерке Джесс.

Она встает и подходит, положив руки мне на грудь. Ее пальцы скользят по еще влажной коже, а взгляд обещает удовольствие. Впрочем, как и губы, которые касаются меня все ниже и ниже.

— Не надо, — останавливаю ее и, сжимая пальцами плечи, отстраняю от себя.

— Ну что ты, — она надувает губки и прижимается ближе, так что я чувствую ее тепло. — Я же вижу, что тебе нужно расслабиться.

Внутри из ниоткуда снова начинает подниматься злость. Как будто только она и может заполнить ту самую дыру в груди.

В голове всплывает образ разъяренной ящерики с сияющими от гнева глазами. Той, что не побоялась назвать меня придурком прямо в лицо.

— Нет, — сильнее сжимаю плечи Джесс и практически отталкиваю от себя.

Она смотрит на меня с недоумением, потом лицо ее искажается от злости:

— Да что с тобой не так, Филис?

— Иди к себе, у нас скоро комендантский час, — отвечаю я и натягиваю штаны и рубашку.

Конечно, Джесс психует и, хлопнув дверью, вылетает из комнаты. Отойдет. Безделушку ей подарю какую-нибудь, и все забудет.

Ящерке обещал кулон взамен того, что я раздавил. Забыл. Вспомню.

Беру с полки любимую книгу и ухожу в свое тайное место, про которое из моих друзей знает только одна девушка. И она точно не придет туда, значит, там меня никто не потревожит.

На заброшенной башне магов погоды тихо и темно. Впрочем, за это я ее и люблю. Вот только сегодня недалеко от ее основания первогодки кафедры рукописей устроили сходку. Ежегодная традиция у них такая. Жгут магический костер, приносят клятву и считают себя “посвященными”.

Даже смешно. Нет. Это было смешно, пока я не вспоминаю о том, что ящерка тоже с этой кафедры. Именно в этот момент раздается громкое шипение, а магический костер взрывается выше крон деревьев. Да твою ж мать!

Глава 17

Солнце уже успевает скрыться за горизонтом, когда я выхожу из своей комнаты, крепко сжимая в руках найденную книгу. Иридан, сидя на фолианте, беспокойно меняет цвет с темно-синего на красный, очевидно, чувствуя мое волнение.

— Все будет хорошо, — шепчу я ему, хотя сама в этом не уверена. — Это же просто традиция. Ты же слышал, что сказала Тайра: если не пойти, можно остаться изгоем. А нам очень нужна поддержка...

Не знаю, кого я уговариваю — себя или Ири. Потому что интуиция просто вопит, что лучше мне остаться в комнате и получше подготовиться к новому дню. Еще денек, и можно будет съездить к маме.

А еще надо поузнавать, можно ли тут как-то заработать, пока нет стипендии. Может, какие-то подсобные работы выполнять можно... И мне даже почти плевать, что меня Филис будет продолжать звать полумойкой.

Тайра ждет меня у входа в общежитие, нервно переминаясь с ноги на ногу. В руках у нее изящная книжка в розовом переплете. На лице — более яркий макияж, волосы забраны в сложную прическу, а на платье приколоты игривая брошь в виде цветка.

И хоть она в такой же форме, как у меня, по ней явно чувствуется, что она идет на праздник. Не то что я... Но, честно говоря, я вообще не помню, когда последний раз была на празднике: даже на ярмарку я не ходила, потому что в тот день было плохо маме.

— Наконец-то! — выдыхает Тайра. — Я так испугалась, что ты передумала! А что это за книга?

Она протягивает руку, чтобы взять фолиант и рассмотреть его, но я отчего-то только сильнее прижимаю его к груди.

— “Предания Северной Айкидонии”, — отвечаю я, даже не показывая обложку.

Тайра округляет глаза:

— Ого... Ты что, ходила в запретную секцию?

Хмурюсь и качаю головой:

— Нет, я же отработывала в библиотеке, — морщусь, вспоминая два часа, проведенные с Джесс. — Вот, там на полке увидела. Подумала, что красиво и загадочно.

— Я возьму у тебя почитать, — говорит Тайра. — Вдруг поможет в конкурсе на соискание гранта. Я решила податься! А ты?

А я пожимаю плечами. Сначала учеба, а потом уже мысли о всяких грантах. Сейчас еще как придет от Мариенто неуд, я замучаюсь его исправлять.

Мы идем через территорию академии к дальней части, где, по словам Тайры, когда-то находилась старая библиотека. Во мраке деревьев, разгоняемом только магическим костром по центру площадки, уже собрались другие первогодки нашей кафедры. Человек пятьдесят — похоже, все, кто есть на курсе. Они, так же, как я, держат в руках различные книги — старые фолианты, тонкие брошюры, у кого-то в руках даже виднеются несколько свитков.

Огонь, яркий, но совершенно не согревающий, отбрасывает причудливые тени на лица собравшихся. Я была бы не против погреться, потому что осенняя прохлада ночи плотно окутывает тело: я не стала надевать старый плащ, о чем уже жалею.

Старшекурсник с кафедры рукописей, которого я видела пару раз в столовой, важно стоит рядом с огнем.

— Сегодня вы приносите клятву Хранителя рукописей, — торжественно и слишком пафосно произносит он. — Эта традиция существует уже более двухсот лет. Каждый из вас должен подойти к огню, положить руку на выбранную книгу и произнести слова клятвы.

Он что-то там рассказывает о важности сохранения знаний, о том, что мы становимся частью великой традиции. Я слушаю вполуха, нервно поглаживая обложку своей книги. Она кажется теплой, но, несмотря на это, по спине пробегает холодок.

Все из-за отсутствия плаща. Точно.

Первой подходит девушка, которая сидит за соседним столиком в столовой. Она кладет руку на свой толстый фолиант зеленого цвета и четко произносит:

— Клянусь хранить знания, защищать истину и никогда не использовать силу письменного слова во зло.

Старшекурсник бросает что-то в огонь, он вспыхивает ярче, словно одобряя ее слова. Девушка улыбается и отходит в сторону.

Ну... вроде бы ничего сложного и опасного. Даже световые спецэффекты явно не из-за магии, а из-за какого-то порошка. Так, для значимости момента.

Один за другим студенты подходят к костру. Кто-то волнуется, кто-то говорит уверенно, но у всех процедура проходит гладко. Огонь послушно вспыхивает на каждую клятву.

Я намеренно встала в конец очереди. Надо выучить клятву и посмотреть, как делают другие, не хочется ошибиться на глазах у всех.

Хотя я уже всерьез начинаю сомневаться, надо ли мне это. Пару раз даже порываюсь уйти, но Тайра, которая за компанию пошла со мной в конец, держит меня за руку, хотя сама явно волнуется.

Бин и Бен оказываются где-то в середине. Они проходят друг за другом и сразу же начинают о чем-то спорить, указывая на костер.

Тайра один раз спотыкается на слове “защищать”, но получает свою заслуженную вспышку костра и, довольная, отходит на противоположную сторону.

Мое сердце колотится так громко, что, кажется, его слышат все вокруг. Я делаю шаг к огню, чувствуя, как Иридан крепче вцепляется в мое плечо. Мало приятного, но волнение настолько застилает все, что я даже не обращаю на это внимания.

Кладу руку на обложку “Преданий Северной Айкидонии” и открываю рот, чтобы произнести клятву. Но вместо знакомых слов из моих губ вырывается что-то совершенно иное:

— Клянусь хранить знания, защищать истину... вернуть то, что было украдено, восстановить то, что было разрушено... раскрыть тайны, что были утрачены...

Я пытаюсь остановиться, но никак не могу. А огонь... огонь начинает расти и меняться, становясь все выше и ярче.

Книга в моих руках становится горячее, почти обжигающей. Или это мои ладони начинают гореть? Вот теперь мне точно не холодно! Иридан издает испуганный писк и меняет цвет на ярко-красный.

— Что происходит? — я слышу испуганные возгласы где-то за спиной.

— ...и да восторжествует справедливость!

Костер взрывается ослепительной вспышкой. Я чувствую, как меня отбрасывает назад, но чьи-то сильные руки подхватывают меня, не давая упасть.

— Ты совсем рехнулась? — рычит знакомый голос.

Открываю глаза и вижу разноцветные волосы Адreasа. Он держит меня за плечи, его лицо искажено злостью и... беспокойством?

— Во что ты опять умудрилась вляпаться? — продолжает он.

Оглядываюсь вокруг. Филис одним взмахом пальцев гасит магический костер, который к этому моменту уже вернулся к своему первоначальному виду. Мои однокурсники стоят поодаль, испуганно переглядываясь. Старшекурсника уже не видно.

Я продолжаю прижимать к себе книгу, как будто это она, а не руки Филиса не дали мне упасть.

— Да ни во что я не вляпывалась! — выпаливаю я, а самой хоть реви. — Я хотела произнести обычную клятву, но...

У меня хоть что-то может пройти нормально?!

— Но вместо этого ты раздула пламя так, что его видно с северной границы! — возмущается Филис, повышая голос. — Ты вообще понимаешь, что произошло?

— Нет! — кричу я, вырываясь из его рук. — Я понятия не имею! Это само получилось!

— Само ничего не бывает! — перебивает он. — Особенно с такими, как ты!

— Такими, как я? Опять выпячиваешь свое эго?

— Констатирую факт, что ты притягиваешь неприятности, как магнит! — Филис проводит рукой по волосам.

Иридан на моем плече становится темно-фиолетовым от возмущения, а я чувствую, как снова закипает злость.

— А зачем ты вообще сюда пришел? — кричу я. — Кто тебя звал?

— Хорошо, что пришел! — рычит он в ответ. — А то неизвестно, чем бы твоя “случайность” закончилась!

Мы стоим друг против друга, тяжело дыша от злости. Остальные студенты уже прячутся на нас, и это неимоверно бесит.

— Всем отработка на тренировочном полигоне, — раздается из темноты раздраженный голос ректора. — Неделью по утрам в шесть. По пять кругов. И только попробуйте не прийти: проверю поголовно. Пройдете посвящение еще и в стажеры боевого факультета, вдруг понравится. А теперь марш по кроватям!

По толпе пронесся шепот негодования, но спорить с ректором, естественно, никто не стал. Я тоже хотела уйти со всеми, но не вышло.

— Студенты Филис и Сирен, — останавливает меня Ферст. — В мой кабинет. Сейчас же.

Дорога обратно проходит в гробовом молчании. Хотя, мне кажется, Адреас явно хочет мне многое высказать. Второй раз за день в кабинете ректора? Нет, погодите. Второй раз за ВТОРОЙ день пребывания в академии.

Интересно, кто-то сможет побить мой рекорд?

Как только за нами захлопывается дверь, ректор встает из-за стола и, мрачно глядя на нас, спрашивает:

— Какого Ярхаша вы устроили?

— Мы? — неожиданно отвечает Филис, но не заканчивает, запрокидывая голову и рыча в потолок.

— Вы. Оба. Снова, — мрачно произносит Ферст.

— Это недоразумение, господин ректор... — говорю я, собираясь объяснить все, что произошло.

— Недоразумение, что студенты специальности, предполагающей низкий уровень магии, балуются с древними ритуалами? — гневно спрашивает ректор. — У этой традиции всегда было единственное, самое важное правило, которое делает этот ритуал — а это он и есть, даже если кажется игрой — безопасным. Книга должна быть из дома и принадлежать тому, кто приносит клятву.

— А... — растерянно выдыхаю я.

Этого я не знала. Тайра же даже не обмолвилась об этом. Или тоже не знала?

— Алфавит учат в школе, студентка Сирен, — говорит ректор. — Ты-то, Филис, что там забыл?

— Гасил огонь, — цедит сквозь зубы Адреас, глядя в пол перед собой.

Ректор молчит некоторое время, задумчиво разглядывая нас обоих.

— Знаете, что? — наконец произносит он. — Вы слишком часто оказываетесь вместе там, где происходят неприятности. Пожалуй, давайте просто узаконим ваши неприятностные отношения.

— Что вы имеете в виду? — Филис вскидывает взгляд.

— Твой брат сказал, что тебе нужно научиться брать на себя ответственность, — отвечает Ферст. — Думаю, мое решение поспособствует этому.

Он садится за стол, достает бумагу и что-то начинает писать.

— Господин ректор? — осторожно спрашиваю я.

— С этого момента я назначаю Адреаса Филиса официальным наставником Ярики Сирен, — с этими словами он ставит размашистую подпись и скрепляет ее магической печатью.

Глава 18

Я смотрю на лист бумаги в руках ректора как на приговор. Слова медленно доходят до моего сознания, и я чувствую, как по спине пробегает холодок.

— Наставником? — переспрашиваю я, надеясь, что ослышалась.

— Именно так, — кивает Ферст, откладывая документ в папочку на углу стола. Похоже, в ту же, где данные о моей магии. — С этого момента студент Филис полностью отвечает за академическую успеваемость студентки Сирен, за ее поведение и... скажем так, за количество инцидентов с ее участием.

Он говорит отстраненно, как будто просто выносит вердикт. А потом поворачивается к Филису и, глядя в упор с легкой усмешкой, продолжает:

— Чтобы ты, Адреас, не испытывал никаких иллюзий в отношении моего распоряжения: графа “наставничество” будет отдельно введена в твой бланк успеваемости. Ты же не хочешь испортить себе диплом?

Адреас сжимает кулаки и смотрит на ректора так, что я даже начинаю сомневаться, не пустится ли он сейчас во все тяжкие и не нападет ли на Ферста. Лицо Филиса становится еще более хмурым, если это вообще возможно.

— Господин ректор, — начинает он сквозь зубы, — я не думаю, что это хорошая идея...

— А я думаю, что это отличная идея, — перебивает его Ферст. — И если тебя это успокоит, я уверен, что ты справишься. Если постараться, конечно.

Я вскакиваю со стула:

— Но я не согласна! Почему кто-то должен за меня отвечать? Я не ребенок!

— Тогда прекрати вести себя как ребенок, — холодно отвечает ректор. — Два инцидента за два дня — это многовато даже для первокурсника. Либо ты принимаешь помощь наставника, либо можешь покинуть академию уже завтра.

Слова ректора отрезвляют. Я сжимаю пальцы на книге, чувствуя, как снова поднимается знакомая волна гнева. Но потом вспоминаю маму, наш дом, отсутствие денег и перспектив. Альтернативы у меня нет.

— На какой срок? — цежу я сквозь зубы.

— Пока что до конца семестра, — отвечает Ферст. — Если за это время вы покажете хорошие результаты, наставничество будет отменено.

Адреас молчит, но по его лицу видно, что он в ярости.

— Свободны, — кивает ректор на дверь. — И помните, студентка Сирен: утром в шесть на тренировочном полигоне. Не опаздывайте. А, Ярика... Отдайте книгу.

Я с трудом отдаю Ферсту фолиант, чувствуя, будто отрывают часть меня.

Мы выходим из башни ректора в полном молчании. Воздух между нами буквально потрескивает от напряжения. Адреас идет рядом, его челюсти сжаты так, что в голубых глазах бушует ледяное пламя.

— Довольна? — наконец произносит он, когда мы отходим на безопасное расстояние от башни.

— Думаешь, мне это нравится? — огрызаюсь я, резко поворачиваясь к нему. — Я с тобой не хочу иметь ничего общего! Вообще хотела бы не пересекаться! Какого Ярхаша ты все время оказываешься рядом?

— Да? — его глаза сверкают в свете фонарей. — Какого Ярхаша ты влипаешь в какие-то постоянные проблемы?

— Мои проблемы вообще тебя не касаются! — кричу я, тыча пальцем ему в грудь. — И вообще, если бы ты не лез со своими советами, ничего бы не произошло!

— Теперь касаются! — рычит Андреас, хватая мое запястье.

— Пусти! — я пытаюсь вырвать руку, но его пальцы сжимаются сильнее.

— Нет, ты меня выслушай, упрямая ящерка! — он делает шаг ближе, и я чувствую исходящее от него тепло. — Ты притягиваешь неприятности, как... как...

— Как что? — шиплю я, поднимая подбородок и встречая его взгляд.

— Как магнит! — выпаливает Филис.

Его голос дрожит, а зрачок на мгновение становится вертикальным. Я вспоминаю, что он самый настоящий дракон. Властный, сильный, а я... Отчего-то не боюсь. В глубине души появляется что-то другое. Гораздо более опасное...

Мы стоим слишком близко друг к другу. Я чувствую его дыхание на своем лице, вижу в слабом отсвете фонаря, как бьется жилка на его шее. Мое сердце бешено колотится в груди, воздуха катастрофически не хватает.

— Тогда держись от меня подальше, — шепчу я, но почему-то не отхожу.

— Теперь не смогу, — так же тихо отвечает он. — Я теперь твой наставник.

Его взгляд скользит по моему лицу к губам и замирает. Я медленно, тяжело сглатываю.

Прохлада осенней ночи касается горящих щек, нас окутывает темнота, обостряющая чувства, кажется, что больше никого нет, только мы вдвоем.

— Филис... — начинаю я, Ири шипит, и Андреас резко отстраняется.

— Ты... готова к тренировкам со мной? — усмехается он, а по спине пробегает холодок.

Филис разворачивается и уходит, оставляя меня стоять посреди двора с бешено колотящимся сердцем и полной неразберихой в голове.

Я возвращаюсь в абсолютно тихий, словно даже пустой, жилой корпус. Лиссы почему-то нет, поэтому я, даже не особо стараясь быть бесшумной, привожу себя в порядок и заваливаюсь спать. Даже не обольщаюсь, что грядущий день будет легким.

Утром в пять сорок пять я уже стою на тренировочном полигоне, кутаясь в старый плащ. Сон не шел всю ночь — то вспоминались слова ректора, то последние слова Андреаса перед уходом.

Иридан сонно переливается на моем плече, явно недовольный ранним подъемом. Я его понимаю — мне тоже хочется вернуться в теплую постель и поспать хотя бы пару часов перед завтраком. Но не думаю, что еще одна отработка мне сейчас особо сильно нужна.

Постепенно подтягиваются мои однокурсники. Лица у всех мрачные, многие зевают и с трудом держат глаза открытыми. Бин и Бен сегодня даже не спорят. Похоже, просто еще даже не проснулись.

Но все без исключения смотрят на меня с откровенным неприятием. Даже когда появляется Тайра, тоже бросает на меня взгляд, полный укоризны.

Вот и сходила на посвящение, чтобы не быть изгоем. Теперь мне не просто не доверяют, меня ненавидят.

— Из-за тебя мы теперь неделю будем вставать в шесть утра, — бормочет она, не глядя мне в глаза.

— Тайра, я не знала про правило с книгой, — твердо говорю я. — Я вообще не хотела в этом участвовать. Ты же знала, что у меня нет своих книг.

Она только насупливается, потому что ответить ей нечего.

Я чувствую, как щеки горят от стыда и злости. Хочется кричать всем, что я тут вообще ни при чем, но в этот момент появляется профессор Ругро. Как и в прошлый раз, мрачный, темный. Не представляю, как Андреас учится под его кураторством.

— Построиться! — рычит Ругро. — Пять кругов по полигону, без остановок. Кто остановится — добавляется еще два круга!

Мы выстраиваемся в шеренгу, и я замечаю, как остальные студенты намеренно отходят от меня подальше, словно я действительно заразная. Даже Тайра становится на другой конец строя.

— Марш! — командует профессор.

Мы трогаемся с места. Первый круг проходит относительно легко, но уже на втором я начинаю задыхаться. Мои однокурсники бегут рядом, и я слышу их недовольное бормотание:

— Все из-за нее...

— Не могла просто принести нормальную книгу...

— Теперь каждое утро так будет...

— Может, она и вправду не случайно поступила...

Каждое слово как удар. Я стискиваю зубы и стараюсь не отставать, хотя легкие горят, а в боку колет. Иридан крепко вцепился в мой ремень, его цвет стал тревожно-серым.

К концу четвертого круга я едва держусь на ногах. Многие уже отстали и шагают пешком, получив свои дополнительные круги. Но я продолжаю бежать, несмотря на то, что ноги подкашиваются, а в глазах темнеет.

Не сдамся. Не дам им еще один повод меня упрекнуть.

Когда последний студент пересекает финишную черту, Ругро кивает, глядя на нас с ледяной усмешкой.

— Могу вас обрадовать: регулярные физические упражнения могут повысить магический потенциал. Иногда, говорят, еще прибавляют ума, — произносит преподаватель. — Завтра в то же время. Может, в следующий раз подумаете, прежде чем устраивать цирк.

Он первым покидает площадку, а остальные уходят вслед за ним, по-прежнему обходя меня, словно я заразная. Мне обидно. Я не делала ничего специально. Да я даже волосы Филиса покрасила случайно! Но неприятности продолжают сыпаться на меня.

Я остаюсь сидеть на земле, тяжело дыша и чувствуя, как по виску стекает пот. Кажется, в академии у меня не будет друзей. Все винят меня в том, что я даже не хотела делать.

Иридан осторожно трется о мою щеку, пытаясь утешить. Его цвет становится мягким, успокаивающим синим.

— Я же не специально, — шепчу я ему. — Я просто хотела быть как все...

И только теперь я замечаю смятую бумажку рядом со своей ногой. Я поднимаю ее и разворачиваю.

“Лучше тебе самой покинуть академию”.

Глава 19

Завтрак в столовой оказывается испытанием. Я буквально всем телом чувствую взгляды, направленные на меня. Было бы куда приятнее, если бы они решили устроить мне молчаливый бойкот.

Я уже привычно сажусь за свой стол. Тайра тоже сидит на своем месте. Только вот в этот раз демонстративно не поднимает глаз от тарелки.

— Приятного аппетита, — говорю я, усаживаясь рядом.

Она только фыркает в ответ. Бин и Бен, как всегда погруженные в свой спор, сегодня тоже молчат и бросают на меня недовольные взгляды. Прекрасно.

Это ужасно злит. Сама же уговаривала меня, а теперь что?

— Ты считаешь, это нормально? — неожиданно даже для себя спрашиваю я.

— Ненормально бегать в шесть утра каждый день, — перебивает она, наконец поднимая взгляд и надувая губы.

Я сжимаю кулаки под столом и смотрю на Тайру исподлобья. Иридан беспокойно шевелится у меня на плече, становясь тревожно-серым.

— Я понятия не имею, что там произошло, — твердо отвечаю я. — Моей магии не хватило бы для этого.

— Я уже не знаю, чему верить, — говорит Тайра, снова гипнотизируя свою тарелку. — Ты говоришь, что пустышка, но при этом тебя берут без экзаменов в академию. Говоришь, что тебе не нравится Филис, зато он тебя спасает!

Ах вот в чем дело! Она же фанатка Адреаса! А он уже второй раз меня “спасает”. Мне даже страшно представить, что будет, когда Тайра узнает, что я теперь еще и под кураторством этого придурка.

— Да лучше б держался от меня подальше! — искренне возмущаюсь я.

— Да, конечно, — закатывает глаза Тайра. — Самый красивый парень академии спасает тебя. Это же так ужасно!

Завтрак превращается в пытку. Из столовой я выхожу с больной головой, а в животе крутит от нервов.

Студенческий кристалл издает странный звук, а когда я его достаю, настроение портится еще больше. Из него появляются буквы, складывающиеся в слова и предложения: “Проверочная работа по основам защитных заклинаний. Результат: неудовлетворительно. Комментарий: студентка продемонстрировала полное непонимание базовых принципов. Рекомендуется дополнительная подготовка”.

А что я ожидала? Что волшебное воздействие Мариенто каким-то образом поможет мне дать правильные ответы на вопросы, которых я не знаю?

— Что там? — любопытствует Тайра, подходя ближе.

— То, что и должно было быть, — коротко отвечаю я, засовывая кристалл в сумку.

Не хватало еще, чтобы кто-то позлорадствовал. Сами бы попробовали в первый же день проверочную написать, посмотрела бы я на них.

— У тебя еще есть время исправить, — в голосе Тайры появляется сочувствие.

Она даже продолжает идти рядом и не игнорирует. Неужели так быстро отошла?

Я пожимаю плечами. Как я должна реагировать? Строить из себя обиженную? Скакать от радости, что со мной снова общаются? Будет мне урок: не стоит сразу же считать подругой и союзником первого, кто хорошо ко мне отнесся.

Мы подходим к той же аудитории, где у нас была лекция Мариенто в прошлый раз. Мой взгляд невольно скользит к окну — тому самому, которое разбилось во время ссоры с Адreasом. Оно так и остается разбитым, хорошо, что сквозь него хотя бы не дует.

Почему его не починили? Неужели так сложно восстановить стекло? Мне это напоминает неприятно: я бы вообще хотела забыть про то, что это произошло.

Мы с Тайрой заходим в аудиторию одними из первых. Она садится снова вперед, а я хмуро забираюсь на самый дальний ряд в уголок в надежде, что меня никто не заметит. Тайра сначала удивленно смотрит на меня, а потом берет свои вещи, которые уже почти разложила, и подсаживается ко мне.

— Прости, — рассматривая свои руки, неловко говорит она. — Я просто с утра не выспалась и... Да, я завидую тебе. Я бы очень хотела, чтобы Филис со мной хотя бы заговорил, но понимаю, что мне не на что надеяться...

Она тяжело вздыхает и протягивает мне мизинчик. Это выглядит так по-детски мило, что я обхватываю своим мизинцем ее и качаю головой:

— Уверю тебя, это только к лучшему, — отвечаю я.

А потом наш разговор прерывает появление Мариенто.

Профессор входит в свой обычной манере — легко, грациозно, и сразу же в воздухе повисает знакомое ощущение спокойствия и умиротворения. Но сегодня я изо всех сил пытаюсь сопротивляться этому воздействию, помня слова Тайры о том, что ректор обещал дополнительные каникулы тому, кто научится противостоять магии Мариенто.

Конечно, выходит слабо, но я как минимум отдаю себе отчет в том, что ощущения не настоящие.

— Доброго утра, — мелодично произносит профессор, и я чувствую, как мое сопротивление тает. — Вы уже получили с утра ваши результаты. Студенты с неудовлетворительным результатом уже помечены в списке. Думаю, что в будущем вы приложите больше усилий к учебе.

Она называет новую тему и начинает рассказывать про критические ситуации и то, как правильно вовремя определить, какая защита нужна. Она рисует на доске схемы, показывает жесты и приводит примеры использования из истории.

Это все очень увлекательно, Мариенто действительно умеет захватить внимание студентов. Но мои мысли нет-нет да и утекают в другую сторону.

Кто мог написать мне эту проклятую записку? Кому из моих одногруппников я могу мешать? Тайра?

Я тайком заглядываю к ней в тетрадь — нет, почерк совсем другой. Бин и Бен? Вряд ли эти двое стали бы записками разбрасываться.

Но кто тогда? Я прохожусь беглым взглядом по всем, но не нахожу никого, на кого могло бы пасть подозрение. Боги! Да я же даже никого почти из них не знаю!

— Студентка Сирен, — вдруг раздается голос Мариенто, и я вздрагиваю, поняв, что профессор обращается ко мне. — Вы с нами?

— Да, профессор, — быстро отвечаю я, чувствуя, как краснеют щеки.

— Прекрасно. Тогда, возможно, вы сможете объяснить принцип наложения иллюзорных барьеров в условиях нехватки времени?

Я открываю рот, но слова не идут. В голове полная пустота. Все вокруг смотрят на меня с любопытством, кто-то с плохо скрываемым злорадством.

— Нет, профессор, — признаюсь я.

Мариенто кивает и на удивление жестко произносит:

— После занятий останетесь, студентка Сирен. Нам нужно обсудить вашу успеваемость.

Великолепно. Еще одна неприятность. До самого конца лекции я стараюсь сосредоточиться, но мысли постоянно разбегаются. Я третий день в академии, а насобираала штрафов, кажется, как за год.

Когда лекция заканчивается, все спешат покинуть аудиторию, и я остаюсь наедине с профессором Мариенто. Она собирает свои бумаги, не спеша, а я стою рядом с ее столом, нервно теребя ремешок сумки.

— Присаживайтесь, Ярика, — наконец говорит она, указывая на стул рядом со своим столом.

Я сажусь, и Иридан беспокойно переползает с плеча на колени, принимая защитный коричневый цвет.

— Ваша проверочная работа, — Мариенто достает из папки мой лист и кладет его на стол.

Она делает паузу, внимательно изучая мое лицо. Я смотрю на бумагу и не вижу на ней ни единой пометки. Как будто ее даже не проверяли.

— Вы пытались жульничать.

— Что? — я подсказываю на стуле. — Я не жульничала! Я честно отвечала на вопросы! Ну... как могла.

— Не жульничали? — профессор поднимает бровь. — Тогда объясните мне, почему на все вопросы у вас даны правильные ответы, которые вы физически не могли знать, не изучив материал предыдущих лекций?

Я хлопаю глазами, пытаюсь понять, о чем она говорит. Да, я отвечала наугад, но неужели случайно попала в точку?

— Профессор Мариенто, я клянусь, я не списывала! Я... просто отмечала... Пальцем в небо. Не знаю, как так получилось угадать...

Я что-то мямлю, она хмыкает, будто получив подтверждение своим мыслям, а потом убирает лист обратно в папку.

— Студентка Сирен, — перебивает она, и в ее голосе появляются стальные нотки. — Там не было ни одного верного ответа. Поэтому с завтрашнего дня мы будем заниматься индивидуально. Ректор в курсе.

Я стою, не понимая, как мне реагировать. Она что, меня проверяла?

— Первое дополнительное занятие завтра в пять вечера. Не опаздывайте, — холодно произносит Мариенто.

Я выхожу из аудитории совершенно подавленная. Мало того что меня практически обвинили в том, чего я не делала, так еще и дополнительные занятия получила. Как будто обычной нагрузки мне мало.

Петляю по коридорам, надеясь, что я не заблужусь и успею к лекции, и почти сталкиваюсь с Илиасом около лестницы.

— Опять выглядишь так, будто на тебя целый замок рухнул, — с сочувствием говорит он, поправляя сумку на плече. — Что случилось на этот раз?

— Сначала обвинили в жульничестве, которого я не совершала, — устало отвечаю я. — А теперь еще и дополнительные занятия каждый день назначили.

Илиас хмурится:

— Это несправедливо. По тебе же видно, что ты не будешь обманывать.

Я удивленно смотрю на него. Ну хоть кто-то верит!

— Спасибо, — искренне говорю я.

— Я вообще тебе верю, — улыбается он, и от этой улыбки на душе становится немного легче. — Слушай, а знаешь что? Может, встретимся в библиотеке после занятий? Я неплохо разбираюсь в защитных заклинаниях.

Я сначала хочу согласиться, но потом вспоминаю о том, что мне еще надо в вольеры, а потом писать доклад по ним, а ведь еще Филис со своим наставничеством где-то маячит...

— Прости... Мне надо сначала с долгами разобраться, а потом уже...

— Жаль. А знаешь что? — неожиданно говорит Илиас, делая шаг ближе. — В городе есть замечательная кондитерская. Делают потрясающие пирожные со взбитыми сливками. Может быть, в выходные сходим туда? Немного отвлечешься от всех этих неприятностей.

Глава 20

Я сначала хочу отказаться, но потом, оглянувшись и не заметя нигде поблизости радужной макушки, соглашаюсь.

— Хорошо, — улыбаюсь я. — Почему бы и нет.

Лицо Илиаса озаряется широкой улыбкой, а в зеленых глазах появляется радостный блеск.

— Тогда...

— Встретимся в городе, — перебиваю я, потому что точно не хочу, чтобы он появлялся вблизи моего дома.

Во-первых, это совсем не тот район, в котором привык бывать этот явно богатый наследник. А во-вторых, я не хочу, чтобы кто-то из соседей видел Илиаса. Я же потом от сплетен и разговоров не отделаюсь.

— Ладно. В субботу, в семь. У часовой башни, — назначает встречу Илиас. — И постарайся не есть до этого, чтобы побольше пирожных поместилось.

Киваю. Хорошо, если я вообще в субботу поем: это в академии у меня трехразовое питание, а дома... Дома я всегда кормила в первую очередь маму. Я снова тянусь к груди в поисках кулона. Вроде уже подумала, что отвыкла, но нет. Мысли о маме беспокоят настолько, что хочется снова найти поддержку.

Точно, я же хотела уточнить у ректора, нет ли у них места прачки, например. Я бы могла по ночам работать. Соседка вряд ли согласится бесплатно за мамой присматривать, а того серебряного надолго не хватит.

Мы с Илиасом расходимся в разных направлениях, а я пару раз оглядываюсь ему вслед. Странно, мне казалось, он перед нашей встречей шел в другую сторону.

Лекция по основам конструирования артефактов проходит быстро и очень интересно. Преподаватель — молодой и очень увлеченный мужчина в очках, которые все время слетают с его носа, поэтому он постоянно поправляет их вытянутым средним пальцем, забавно поднимая при этом брови.

Он чертит в воздухе светящимися линиями схемы деталей, а потом вращает их, показывая, как можно соединять друг с другом, чтобы добиться разного эффекта. На удивление это оказывается очень интересно, поэтому я с удовольствием записываю, зарисовываю и даже запоминаю.

Тайра и в этот раз тоже села рядом со мной. Когда я пришла, с ней болтали две другие девчонки.

Я их мельком видела на посвящении, когда они приносили клятвы на каких-то книжках с дешевым переплетом, и в столовой. Но как только приблизилась я, они поджали губы и ушли на свои места.

— Говорят, что Филис сегодня сильно не в духе, — шепчет мне Тайра. — Видели, как Ругро гонял его по тренировочной площадке, — а потом она оглядывается и говорит едва слышно. — А еще он теперь будет бегать по утрам с нами, представляешь?! Хотя что-то хорошее в отвратительных ранних пробуждениях.

В ранних пробуждениях не вижу ничего плохого, а вот в том, что Филис теперь будет с нами... А можно нет?

Тайра пытается заговорить со мной еще несколько раз, но и времени особого нет — я и так чуть не опоздала на лекцию, — да и желания сплетничать, если честно, тоже.

До обеда у нас появляется свободное время, поэтому я решаю сходить в вольер — отработку по фамильярам никто не отменял, а мне бы еще с ними разобраться. Мой-то Ири понятный — какое настроение, такой и цвет. Да и так он все время рядом.

А вот те животные, что в вольере? Они же большие, часто опасные, да еще и... Как вообще с ними находить общий язык?

Но, когда я подхожу к вольеру, меня ждет еще один сюрприз.

— Они как сговорились, — раздается слишком знакомый голос радужного индюка. — Ферст закрепил эту ходячую проблему за мной, а твой ненаглядный Рутро еще и нарычал на меня, что я не явился на тренировку вместе с первогодками.

— Если я правильно помню, утренние пробежки не вызывали у тебя никаких проблем, Адреас, — слышится в ответ нежный женский голос со смешинкой. — Значит, тебя так беспокоит именно она?

— Кто? Ящерка? — возмущенно переспрашивает Филис. — Да она меня не беспокоит, она меня бесит!

Я не выдерживаю и, подойдя поближе, заглядываю внутрь вольера. На освещенной солнцем площадке, выложенной плоским камнем, стоит большой кабан. Хрупкая девушка с длинными каштановыми волосами, забранными в высокий пучок, и огромными голубыми глазами моет эту зверюгу.

Я бы и подойти к нему боялась, но шатенка так спокойно натирает щеткой его бока, что кабан чуть не похрюкивает от удовольствия.

Но самое интересное, что Филис расслабленно стоит рядом и направляет трубу, из которой льется вода, чтобы помочь девушке.

Что?

У меня эта картинка никак не вяжется с образом напыщенного сноба, которому нет дела ни до кого. И который уж никак не стал бы участвовать в купании животного.

— Ну сейчас бесит, потом ей конспекты свои отдашь, — с улыбкой говорит девушка.

— Ей? — фыркает Филис. — Нет уж. Она так гордится тем, что ее зачислили, что пусть сама пишет. Что должно быть в голове у этой ящерицы, если вместо того, чтобы учиться и нагонять пропущенный материал, она пошла на сомнительное сборище?

— Желание стать частью коллектива? — спрашивает девушка, выключает воду и берет тряпицу, чтобы вытереть кабана. — Поверь, выживать в одиночку, когда в тебя еще все время тычут пальцем — удовольствие ниже среднего.

— Касс... — Филис трет переносицу указательным и большим пальцами.

— А что, Касс? Тебе этого никогда не понять, ты же Филис, — усмехается девушка. — Передай своей Джесс, что ее косуля соскучилась уже по ней. Нельзя так надолго оставлять фамильяра, если, конечно, она не хочет проблем с магией.

— Я за ней не слежу, — огрызается Филис.

— Но ты с ней спишь, — пожимает плечами Касс. — Так что найдешь время передать.

— Звучит, как будто ты ревнуешь, — на губах Адреаса возникает хитрая улыбка, которая заставляет загореться его глаза не злостью или раздражением, как обычно, а шутливым блеском.

— Звучит так, будто мне очень хочется треснуть кого-то по разноцветной голове, чтобы мозги встали на место, — с той же интонацией отвечает девушка.

Я делаю шаг, чуть касаюсь двери, и створка медленно, но очень скрипуче открывается. На меня тут же обращаются две пары глаз.

Глава 21

Я честно делаю вид, что только-только подошла, и натягиваю улыбку.

— Здравствуйте! Меня преподаватель Флофф направил сюда для отработки, — возможно, слишком громко и воодушевленно говорю я.

— Привет, — девушка наклоняет голову, чуть прищуриваясь и внимательно меня рассматривая. — Да, он мне передал, что должна прийти первокурсница.

— А ты, Ярика, никак решила все же за учебу взяться? Так зачем? Еще пара выходок, как вчера, и можно будет не напрягаться, — вставляет свое важное мнение Филис.

Надо же, он даже помнит, как меня зовут! Его расслабленность как будто испаряется. Я вижу, как мгновенно его взгляд становится резким, острым, плечи расправляются и напрягаются.

— Думаю, что тебя это должно радовать, ведь ты вроде бы теперь отвечаешь за меня? — я не замечаю, как мы оказываемся рядом и снова упрямо и возмущенно сверлим друг друга взглядами. — Может, мне, наоборот, поискать себе приключений и побольше отработок?

— Что, ждешь не дождешься того, чтобы я лично тобой занялся?

В его голосе появляется едва заметная хрипотца, а само предложение звучит как-то... двусмысленно.

— Я мечтаю, чтобы ректор понял, как ошибся в тебе, и освободил от этого особо тяжелого для тебя бремени, — произношу я прямо ему в лицо.

Филис сжимает челюсти так, что на его скулах ходят желваки, а зрачки становятся вертикальными.

— Ярика... — теперь это уже больше похоже на рык.

Во мне все кипит так, что даже дышать тяжело. Какого Ярхаша этот бывший блондин так на меня действует?! Кажется, что, находясь рядом с ним, я начинаю беситься на ровном месте.

— Ярика, предлагаю не откладывать и уже перейти к делу, а то мне скоро тоже надо будет на занятия, — вклинивается в наше противостояние Касс. — А тебя, Адреас, вообще-то, ждет профессор Ругро. Если ты забыл.

Я сдуваюсь, словно воздушный шарик, который проткнули. Есть даже ощущение, что воздух выходит с таким же свистом.

— Жду тебя у библиотеки, ящерка, в шесть, — кратко выдает Филис и уходит.

Едва справляюсь с тем, чтобы не закатить глаза.

— Он тот еще гад, да? — усмехается Касс.

— Да. Чешуйчатый, — фыркаю я и только тогда понимаю, что высказала вслух свои мысли. А ведь Касс с Адреасом нормально общались.

— Он лучше, чем хочет казаться, Ярика, — мягко говорит девушка, просто покоряя меня светом, лучащимся из самой глубины ее глаз.

— Не знаю, — упрямо произношу я. — Пока что у меня от него одни неприятности.

— Как я понимаю, у вас это взаимно, — шутит Касс. — Идем, выберешь себе фамильяра, а потом я тебе подскажу, где лучше поискать информацию и на что обратить внимание.

Мы ходим по вольеру, рассматриваем самых разных животных и параллельно болтаем. Оказывается, она еще учится на четвертом курсе. У нее самой вообще нет фамильяра, зато с чужими она легко находит общий язык.

Это подтверждает и Иридан, который становится дружелюбно-зеленого цвета и с радостью идет на руки к Касс. Впервые! Потому что до этого он доверял только мне.

Я пару раз думаю завести разговор про Филиса, ведь Касс стопроцентно знает о нем больше, чем многие другие, но в последний момент пасую.

В итоге останавливаю свой выбор на большом черном волке, сидящем в углу и хмуро сверкающим в мою сторону глазами. Да уж, хорошо, что опасных хищников все же не отпускают свободно гулять с хозяевами.

А если хозяйка, как Джесс, больная на всю голову? Сколько бы пострадавших могло быть.

— Интересный выбор, — хмыкает Касс. — Характер не спрячешь. Зато Филису скучно не будет.

— Ты о чем?

— Ни о чем, идем, я тебе распишу план сообщения и книги, — отмахивается Касс.

Обед, еще две лекции и даже поиск необходимой для доклада о фамилъяре информации проходят слишком спокойно, только усугубляя мысли о том, что мне гарантирован веселый вечер.

И в подтверждение этого предположения, когда я убираю последнюю взятую книгу на полку, передо мной возникает фигура мрачного Филиса. Как будто он на траурное мероприятие явился, а не на занятия со мной.

— Мы должны были встретиться у входа, ящерка, — раздраженно произносит он.

— То есть я должна была выйти к тебе, чтобы потом снова зайти? Не вижу смысла в этой суете, — “нежно” улыбаюсь я и поднимаю одно плечо.

— Ты бы так не видела смысла в бездумных развлечениях, — огрызается Адреас.

— А ты всегда умный и серьезный? — фыркаю я.

— Как минимум думающий, — отвечает он.

— Если был бы думающий, то на твоей голове не было бы всех цветов радуги! — выпа-ливаю я и вижу, как темнеют его глаза. От небесно-голубого до лазурного.

— Главное, чтобы у тебя была голова на плечах. Или в этом ты тоже смысла не видишь?

— У меня есть!

— Не заметно, — рычит Филис и впихивает мне какую-то книгу. — Начнем с того предмета, по которому у тебя неуд. Иди в читальный зал.

Опустив глаза, вижу, что это учебник для... магических школ. Даже не для училищ! Хочется огрызнуться, но решаю, что сейчас почти любая информация, даже известная мне, будет полезна. В конце концов, если я буду все знать, это же будет бесить Филиса!

Но как же я ошибаюсь! Оказывается, что это только Филис бесит меня.

— Какие пять базовых защитных плетений? — спрашивает он.

Я честно пытаюсь вспомнить, но больше трех назвать не могу. Он хмурится.

— Какой элемент лежит в основе всех базовых плетений? — продолжает радужный гад.

Рисую на листе символ, в котором я уверена. Но Филис только хмыкает.

— Три основных отличия защитных плетений от атакующих?

Сминаю листок и, прищурившись, смотрю на Филиса:

— Ты это специально?

— Что именно? — ухмыляется он. — Задаю вопросы? Да. Я же должен понять, мне информацию тебе выдавать как для тупых или как для очень тупых.

— Да пошел ты! — вырывается у меня, я хватаю учебник, засовываю его в сумку и досрочно заканчиваю наше неудавшееся занятие.

Ничего хорошего из этой затеи не получится. Совершенно точно. Один из нас другого точно прибьет раньше. Только кто кого: или я Филиса, или он меня?

Вылетаю из библиотеки, громко хлопнув входной дверью. Даже какие-то птички с деревьев разлетаются.

Вечерняя прохлада немного остужает мой пыл, я даже задумываюсь, не вернуться ли. Потом понимаю — не вернуться. Быстрее приду домой, быстрее сяду за задания, которые еще не успела сделать, раньше спать лягу.

А то завтра снова ранний подъем и бег. Еще и опять с Филисом! Может, он еще разочек прогуляет? Ну подумай, нагоняй от Ругро. Кажется, ему уже не привыкать.

Иду по аллеям, на которых уже успел скопиться вечерний мрак. Очень жаль, что не все освещаются, поэтому очень легко заплутать. Особенно, таким как я, которые еще очень плохо ориентируются на территории. Может, поэтому первокурсникам не ставят обычно поздние занятия?

Останавливаюсь, чтобы попробовать зажечь хотя бы маленький магический огонек, но замираю. Кажется, что справа хрустнула ветка. Прислушиваюсь и... меня оглушает боль в затылке, в глазах ярко вспыхивают искры, а потом окончательно наступает темнота.

Глава 22

Открываю глаза. Закрываю. Снова открываю. И... ничего не меняется. Темнота такая, что я не вижу даже ладони, поднесенной к собственному носу.

Пахнет... Да почти ничем не пахнет. Пылью, может, немного. Деревом. Чем-то влажным. Не похоже, что я в каком-то редко используемом или заброшенном помещении, и это несказанно радует.

Затылок болит, а в ушах все еще звенит. Но это не повод разлеживаться, где бы я ни была.

Заставляю себя сесть и ощупываю пространство вокруг себя. Каменный пол, даже чистый, как ни удивительно. Перемещаюсь на четвереньки, не рискуя вставать, потому что голова кружится. Неплохо меня приложили, гады...

Найду и отыграюсь. Непременно найду способ, чтобы они сами пожалели, что связались со мной!

Только...

— Ири, — тихо зову я, ощупывая пространство рядом с собой. — Иридан, где ты?

Я ползаю, пытаюсь найти своего фамильяра, который всегда был со мной, но никак не могу его отыскать. От центра груди в стороны, словно морозный иней, расплзается страх.

Не за себя — за моего хамелеона. Он же вообще никогда не был один! Как мне его искать?

Резко поднявшись, я ударяюсь головой о низкую балку, снова вижу, как летят искры из глаз, не удержавшись, делаю несколько шагов назад, наступаю во что-то металлическое, похожее на ведро, которое с грохотом опрокидывается, когда я пытаюсь вытащить ногу, взмахиваю руками и роняю несколько деревянных черенков.

Что ж... Хорошая новость — похоже, меня всего лишь заперли в подсобке с метлами, швабрами, тряпками и ведрами, как и положено полумойке. Плохая новость — Ири со мной все же не было, когда меня запихивали сюда.

Сначала надо выбраться отсюда, а потом думать о том, как спасти моего фамильяра.

И вот где этот Филис? Значит, когда не надо, он все время оказывается где-то рядом. А сейчас, когда я в проблемах по уши, от него ни слуху ни духу. Я бы даже не сильно злилась, если бы он припоминал мне этот случай.

Теперь я ощупываю стены. С трудом я нахожу дверь и ручку. Но не замочную скважину. А это может значить только одно: закрывается эта дверь на навесной замок снаружи.

И что теперь? Мне ждать, когда сюда придут уборщицы и сидеть сложа руки? Чтобы меня вот такой вот... запертой?

Там где-то один бродит Ири, валяется моя сумка с библиотечной книжкой и готовым сообщением для магистра Флоффа... А если я из-за этого на пробежку или занятия опоздаю?

Эти мысли вызывают внутренний всплеск негодования, от которого вновь горят ладони, и я даже думаю, не взорвется ли снова что-то? Нет. В этот раз все спокойно.

Но эти же размышления и придают мне сил даже независимо от боли в голове, поэтому мысли начинают бегать чуть быстрее.

Сначала решаю взять препятствие, то есть дверь, силой: разбегаюсь, насколько это тут возможно, и с размаха врезаюсь плечом в прочное дерево. После третьего раза раздается тихий хруст. Но по боли, пронзившей руку, понимаю, что это дверь победила меня.

Сажусь на пол и запускаю пальцы в волосы. Выход должен быть, его просто не может не быть.

И тогда я вспоминаю случай, произошедший, когда я работала на почтовой конюшне. Там был маленький сарай, в котором хранился весь инструмент. И главный конюх после посещения таверны наутро не обнаружил в дырявом кармане ключ. Как раз от навесного замка.

Он просто снял дверь с петель, выбив основной штырь.

Петли. Если они внутри — я спасена.

Я тут же кидаюсь ощупывать дверь, и — о чудо! — мне везет. Остается дело за малым — вытащить штырьки.

С трудом нахожу хоть что-то, что может мне помочь, расковыриваю пальцы в кровь, вся обливаюсь потом и трачу весь свой словарь не самых приличных слов, но сначала один штырь с металлическим звоном падает на пол, потом спустя как будто бесконечность и второй.

Дверь перекашивается, чуть отходит, впуская в мою каморку то крохотное количество света, что есть на улице. И воздух. Свежий воздух врывается в мои легкие, позволяя свободно вдохнуть и облегчая головную боль.

Отдвигаю дверь, делая достаточную щель, чтобы я могла пролезть в нее. Очень жалею, что сегодня в платье, а не в тренировочной форме. Особенно когда слышу треск ткани, зацепившейся за одну из частей петли.

Ладно, не первый раз чинить вещи, сейчас главное — найти Ири и мои вещи. А еще поискать, вдруг меня что-то натолкнет на то, кто это мог быть.

Наклоняюсь немного, чтобы отцепить платье, и мое внимание притягивает что-то блестящее в траве рядом. Кристалл. И не просто кристалл, а в металлической фигурной оправе — артефакт. Такие вещи просто так не валяются, тем более у хозпостроек.

Поэтому я кладу его в карман, примерно ориентируюсь по башне с часами, где я, и иду к тому месту, где получила по голове. Ири — не особо быстрое животное, я надеюсь, что он не уполз далеко.

— О, хозяйка притопала, — внезапно раздается голос моей соседки из темноты.

Лисса, облокотившись на ствол, сидит на ветке дерева рядом с моим хамелеоном и покачивает ногой. Ее глаза ярко, совсем по-кошачьи, светятся в темноте.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

Неужели это она?

— Твоя ящерица скучала, тряслась вся, как лист, в руки не давалась, — говорит она, спрыгивая на землю. — Бросить не решилась. И тебе не советую, если не хочешь совсем без магии остаться.

Она уходит к жилому корпусу, покачивая бедрами и делая вид, что ей на меня вообще плевать. Ну... Ладно.

— Ири, как ты? — я с трудом различаю его среди листвы, и то только потому, что он сейчас бледный от страха. — Иди ко мне.

В общем, мне все же приходится залезть на дерево, чтобы снять своего фамильяра, отчего на моей юбке появляется еще пара дыр. Иридан вцепляется в меня, а потом, царапая своими острыми коготками, заползает мне за шиворот и, пригравшись там, замирает.

Я с огромным трудом на чистом упорстве нахожу в кустах свою сумку и отправляюсь домой. Вокруг больше ничего, что хоть немного намекнуло бы, кто на меня напал. Но... Я выясню. Как минимум потому, что я уверена, что это не последняя их пакость. Ведь та записка точно не была случайностью.

Мне никогда не было так тяжело вставать утром, как в этот раз, хотя, казалось, я уже должна была привыкнуть. Но, во-первых, выяснилось, что вернулась в корпус я уже за полночь, а во-вторых, голова болеть не перестала, а на затылке прощупывалась крупная шишка.

Поэтому тащилась на тренировочную площадку я через силу, ежась от утренней промозглой осени и надеясь, что присутствие Филиса на пробежке отвлечет от меня внимание. Сегодня мне особенно не хотелось его.

— Он здесь...

— Как думаешь, он что-то ответит, если подойти заговорить?

— Сестра мне обзавидуется!

Со всех сторон раздаются девчачьи шепотки, а я стараюсь спрятаться, чтобы Андреас меня не заметил. Я все еще злюсь на него.

— Всем построиться, — раздается над площадкой голос Ругро. — Доброго утра!

По взглядам моих однокурсников я понимаю, что доброе оно только у тех, кто с обожанием рассматривает радужного блондина. В своей тренировочной форме он оказывается особенно хорош: куртка подчеркивает его широкие плечи и атлетичную спину, а кожаные штаны красиво натягиваются на... Нет, я туда не смотрю!

Волосы Андреас забрал в хвост, но несколько прядей выправились из него, ярко поблескивая на солнце. Хорош. Если бы еще не характер.

Пробегаю взглядом по рядам его поклонниц — они после этого утра явно станут шире, потому что интерес просматривается в каждом девичьем взгляде. Хорошо, что я к ним не отношусь.

— Филис, — гаркает Ругро. — Забирай свою девчонку, и идите тренируйтесь отдельно.

Я вздрагиваю от того, как на меня обрушиваются лавиной сразу все взгляды, до это пожиравшие Филиса. И теперь в них не обожание, а неприкрытая зависть.

Ну вот и отвел на себя внимание Андреас. Молодец.

Глава 23

Как не перекосило от недовольства Филиса — не знаю, но он только высокомерно смотрит на меня и командует:

— Сирен, со мной на дополнительную площадку.

Если в первый момент я еще надеюсь, что смогу сделать вид, что это все ко мне не относится, то после этого приказа — а это выглядит именно так — шансов у меня не остается.

Я поднимаю со скамьи свой плащ и тащусь за Филисом, который демонстративно отвернулся и уже успел отойти. Как будто я собачка, которая должна послушно бежать за ним!

Перешептывания у меня за спиной обрывает очередная команда Ругро, поэтому, когда я добираюсь до дополнительной площадки, мои однокурсники уже бегут. И я бегу. Только за Филисом.

— Шевелись, Сирен, — кидает мне Адreas. — Вчера из библиотеки и то быстрее убегала. Может, тебе какую-то дополнительную мотивацию надо?

— Например, что я побегу, а ты совсем исчезнешь? — фыркаю я.

— Об этом можешь просить ректора, а сейчас догоняй! Три круга, — он выходит на короткую дорожку вокруг полосы препятствий, а я, демонстративно не торопясь, складываю плащ на скамейку, оставляю там же Ири и следую за Адreasом.

Потихонечку так. Может, мне бы и хотелось утереть Филису нос, догнать и бежать рядом. Да только, похоже, меня неплохо вчера все же приложили по голове. Пока я догоняла Филиса, поняла, что перед глазами немного плывет.

Поэтому я выбираю неспешный ритм бега, чем, кажется, еще больше бешу Адreasа. Но плевать! Мне сейчас важно просто не дать ему заметить свою слабость, не дать дополнительный повод поиздеваться надо мной.

Адreas делает три круга, а я — только один. Видимо, решив, что так он только себя нагружает, он отходит к ограждению, облакачивается на забор и впивается в меня своим ледяным взглядом.

Пару раз к горлу подкатывает тошнота, а зрение плывет. Я даже спотыкаюсь. Жду от Филиса едких комментариев, но эта радужная сволочь молчит. Как будто придумывает, как посильнее ударить.

— Хватит, — внезапно останавливает он, когда я едва начинаю третий круг.

Филис оказывается рядом слишком внезапно. Вот только вроде был у забора, но стоит мне поднять взгляд — уже напротив меня. Делаю шаг назад, он делает шаг на меня. А потом поднимает руку и отводит от моего лица прядь волос.

— Это что? — спрашивает он, легко касаясь щеки.

Только сегодня утром заметила, что на скуле осталась небольшая ссадина после вчерашнего происшествия. Я потому и не собрала волосы, хотя они дико мешают.

Но нет же, Филис все равно разглядел!

— Не твое дело, — уворачиваюсь я от прикосновения и снова отхожу.

Но он же упрямый! Адreas ловит меня за плечо, то самое, которое накануне я ударила. Я вскрикиваю, отталкиваю Филиса, и тут он видит еще и мои пострадавшие при расковыривании пальцы.

Ну вот, все, что могла, все продемонстрировала!

В этот раз он перехватывает крепко, за запястья, накрывая сильными пальцами почти целиком мои кисти. Не к месту отмечаю, что, в отличие от моих ожиданий, его ладони не гладкие и холеные, а покрытые мозолями. Не просто так про него шла слава сильного противника не только в магическом бою...

— Какого Ярхаша! — ругается он, разглядывая мои пальцы. — Что вчера случилось?

Филис в бешенстве. Тихом таком, очень опасном. Когда глаза горят ледяным огнем, готовым заморозить на месте. Но опасно другое — то, как он аккуратно проводит большими пальцами по моим ладоням.

От этого странно нежного движения по моему телу пробегает сеточка молний, зажигая, будто пробуждая к жизни. Я понимаю, что мои желания смешиваются: от того, чтобы вырвать руки из крепкого захвата, до того, чтобы он повторил это движение.

— Ярика! — хриловатый окрик Филиса выводит меня из внезапного осознания. — Я жду ответ.

— Яму тебе копала, Филис, — огрызаюсь я. — Своими вот руками. Не жалея сил и времени.

— Угу, — усмехается он. — А потом сама в эту яму провалилась? Прекращай врать.

— А то что?

— Выпорю тебя, — его взгляд становится жестче, а в нем мелькает еще что-то, от чего кровь внезапно вспыхивает. — Видно, некому было тебя пороть в детстве.

Я снова дергаюсь, пытаюсь освободиться.

— Не твое дело.

— Это я уже сегодня слышал, — рычит Адreas.

Он перехватывает мои запястья одной рукой, а другой выплетает какое-то сложное заклинание, и воспаленные пальцы тут же почти перестают болеть. Потом Филис чуть дергает меня на себя и снова касается скулы.

— Ты сегодня же зайдешь к Курт, — приказывает он. — Сама. Иначе к ней зайду я, и вопросов у нее появится гораздо больше. Поняла меня?

Его глаза близко. Очень близко. Так что я могу разглядеть сверкающие льдинки в небесной голубизне радужки. Длинные черные ресницы и складку между бровей.

С трудом выдыхаю и медленно киваю. Видимо, удар был еще сильнее, чем я даже думала, если сейчас я с удовольствием отмечаю, как взгляд Филиса соскальзывает с моих глаз к губам и задерживается.

— На сегодня ты свободна. И не забудь, тебе нельзя пропускать приемы пищи.

Он снова идет на дорожку и принимается бегать.

Я растерянно забираю плащ и ухожу в столовую, а потом сразу в целительский корпус. Позавтракать я успеваю еще до того, как приходят все мои однокурсники, а Курт на месте не оказывается.

Незнакомый мне целитель не особо расспрашивает меня о происшествии, просто проверяет меня, хмуро сообщая, что у меня “встряска мозга”. Даже собирается оставить меня на пару дней в лазарете, но сжаливается и выписывает покой и пару настоек.

Покой? Учитывая, сколько здесь произошло со мной за прошедшие пару дней, эту рекомендацию я вряд ли смогу выполнить. Но и остаться я тут не могу — мне нужно к маме. Волнуюсь я за нее.

День проходит быстро. Однoгруппники хоть и посматривают на меня искоса, но держатся подальше. Только Тайра по-прежнему составляет мне компанию. Я даже перед одной из лекций замечаю, как она ругается с теми двумя девчонками, с которыми я видела ее в компании.

Слышу, как пару раз проскальзывает мое имя, но сама не лезу. Мне хватает приключений, да и к прописанному мне “покою” надо отнестись серьезнее.

— Магда с Франсой почему-то считают, что ты специально вешаешься на Филиса, — говорит мне Тайра, подсаживаясь перед лекцией Флоффа.

— А ты, значит, так не считаешь? — удивленно переспрашиваю я.

Она хмурится, а потом пожимает плечами:

— А когда тебе? Да и зачем? Ты же сама говорила, что он тебе не нравится.

— Не нравится, — киваю я, глядя в свою тетрадь.

А у самой перед глазами ледяной взгляд Филиса, а потом — мурашки от воспоминаний о прикосновениях его пальцев.

Нет. Не нравится. Это все “встряска мозга”.

Чуть позже Филис присылает записку, что “к его сожалению, ему придется лишиться удовольствия удостовериться в том, что не только в защитных чарах я безнадежна”, поэтому он переносит наше занятие на понедельник.

На радостях, что я смогу раньше уехать домой, чуть не забываю о назначенном Мариенто уроке. Поэтому спешу туда, сверкая пятками и стараясь не думать о головокружении.

— Доброго вечера, студентка Сирен, — говорит она, поливая какой-то странный, неизвестный мне цветок на подоконнике. — Я бы предпочла, чтобы вы не опаздывали впредь. Впрочем... Это по большей части будет проблема магистра Джонса. Вы будете заниматься с ним.

Глава 24

Магистр Джонс? Заниматься?

Я замираю на пороге, разглядывая молодого мужчину, которого сразу не заметила. Он отталкивается плечом от высокого шкафа с книгами и делает пару шагов к центру кабинета, попутно осматривает меня.

Высокий, наверное, даже выше Филиса, с открытым лицом, но взглядом с хитринкой через очки. Его темно-каштановые волосы непослушными прядями спускаются на лицо, поэтому он откидывает их явно привычным ему жестом.

Но что-то есть в развороте его широких плеч или наклоне головы, может, взгляде, такое, что демонстрирует ауру властности, забирается под кожу и вызывает желание... не сбежать, нет. Скорее, подчиниться.

— Доброго вечера, студентка Сирен, — произносит он приятным баритоном и снимает очки. — Присаживайтесь. Я обещаю, что не займу у вас много времени. По крайней мере, не сегодня.

Мариенто поворачивается ко мне, и я, наверное, впервые не чувствую от нее никакого эмоционального воздействия. Тем не менее она все равно кажется очень загадочной и до замирания души красивой. Будто не от мира сего.

— Ярика, — говорит она. — Думаю, Адреас Филис сможет вам помочь с моим предметом, он одаренный ученик. Но с вашей магией... — Мариенто переводит взгляд на Джонса. — Нужна более опытная рука. Жду вас на следующей неделе на лекции.

Ее губы трогает едва заметная улыбка, такая же холодная, как и вся внешность профессора, и Мариенто уходит. А мне не остается ничего, кроме как пройти и сесть на стул, на который мне указал Джонс.

Он садится за стол и опирается на него локтями, чуть наклоняясь ко мне. Белая рубашка тут же натягивается на накачанных руках, а жилетка только подчеркивает размах плеч. Джонс кладет очки перед собой и всматривается в меня.

Я нервно елжу на стуле, потому что чувствую себя букашкой, которую рассматривают под лупой. Ири спускается с плеча и забирается под пиджак, сливаясь по цвету с кофтой.

Отвожу взгляд, рассматривая то, что лежит на столе: чернильница с парой перьев рядом, стопка бумаг в папках и... моя работа, которую я сдала Мариенто. А чуть подальше, на самом уголке — книга, на которой я произнесла злосчастную клятву.

Мне снова хочется дотронуться до нее, а лучше забрать. И больше не отдавать.

— Итак, студентка Сирен, — наконец-то прерывает молчание Джонс. — Пожалуй, я начну с того, что представляюсь нормально: Иррегард Джонс, преподаватель боевого факультета академии. Не думаю, что вам интересны все мои регалии и заслуги, но, поверьте, они у меня есть.

Я киваю. Представляться ли мне? Да ну. И так знает, кто я.

— Я не знаю, о чем говорила профессор Мариенто, — пожимаю я плечами. — У меня практически нет магии. Профессор Курт подтвердит.

На лице Джонса появляется загадочная улыбка.

— Нет? — он откидывается на спинку своего кресла и прищуривается. — Значит, будем работать с тем, что уже есть.

Преподаватель пододвигает мне мою работу на проверочной Мариенто.

— Что вы здесь видите? — спрашивает он.

Пожимаю плечами и перевожу на него взгляд:

— Мои ответы.

— Вы уверены, что ваши?

Я присматриваюсь, вчитываюсь... И... В трех вопросах я точно помню, что отвечала иначе.

— Я не понимаю, — растерянно мечусь взглядом между Джонсом и листком с ответами. Во взгляде преподавателя появляется какое-то едва уловимое удовлетворение.

— Хорошо, — говорит он. — А расскажите мне, как вы достали эту книгу?

Теперь передо мной оказываются “Предания Северной Айкидонии”, и мне снова безумно хочется хотя бы провести по обложке рукой.

— Просто шла в библиотеке после отработки, думала о том, что мне нужна книга для посвящения. Как-то... так.

Он снова кивает и забирает книгу, а мне приходится сжать пальцами юбку, чтобы не кинуться и не попытаться отобрать “Предания” у преподавателя.

— А... При каких обстоятельствах разбилось окно в коридоре? — задает еще один странный вопрос Джонс.

Я рассказываю, не особо вдаваясь в подробности того, насколько меня сильно бесит Филис. Но все еще не понимаю, к чему все эти вопросы.

Еще более странным кажется то, что после того, как я заканчиваю, Джонс поднимается и говорит:

— Спасибо, студентка Сирен, думаю, на сегодня я могу вас отпустить. Встретимся через неделю уже в моем кабинете в восточной башне. Я пришлю сообщение с указанием времени, — а потом еще раз окидывает меня взглядом. — Если вы не были в лазарете, настоятельно советую вам туда сходить. А если были — не забывайте про назначения.

Решаю не спорить и не задавать лишних вопросов. Тем более, что, если выйти сейчас, я еще успею переодеться и сесть на один из экипажей академии, отправляющихся в город.

Поэтому я рассеянно прощаюсь, подхватываю сумку и только мельком замечаю стоящую у входа метлу. Она только отдаленно похожа на обычную, такую, какими метут дорожки академии, потому что вся рукоять покрыта новыми побегами с зелеными листочками и набухающими бутонами.

— Мам, я дома! — скидывая ботинки у порога, кричу я.

Конечно, я не ожидаю, что она выйдет меня встречать, но хотя бы...

— Устала? — раздается мягкий, знакомый голос прямо надо мной.

Сердце замирает, а я боюсь поднять голову. Просто смотрю на бледные худые ступни в потрепанных тапочках, выглядывающие из-под ночной сорочки, на которую накинута халат.

Раз. Два. Три. Заставляю себя дышать, а потом медленно расправляюсь.

Милые, добрые, ласковые, такие родные мамины глаза! Да, уставшие и потерявшие свою яркость, но это не важно! Важно то, что она стоит. Более того, она ходит!

— Мама! — я кидаюсь к ней, обнимаю, целую. — Mamochka! Тебе лучше? Как же я рада!

Она тоже обхватывает меня своими руками и слабо-слабо обнимает в ответ.

— Лучше, Яри, — тихо произносит она. — Уже два дня не было жара. Тетушка Лесси принесла куриного бульона. Будешь?

Мама говорит, что-то предлагает, а я не могу справиться с собой, перед глазами пелена от слез, и я из последних сил стараюсь удержать их: не хочу, чтобы она видела.

Она рассказывает о последних днях, пока меня не было. О том, как позавчера начала вставать. Да, на улицу не выходила. Но ведь она поправляется! Все впереди, а потом она еще и на работу сможет выйти!

А я, конечно, должна учиться. А потом — непременно замуж, вон у тетушки Лесси есть племянник. Замечательный парень.

И мы непременно переедем в квартиру побольше, даже в дом, где из окон будет виден закат.

Мама говорит и говорит. А я только радуюсь, что она не спрашивает — мне не придется врать. Она задает только один вопрос: нравится ли мне учиться?

Конечно, нравится. Даже когда сложно. А обо всем остальном я пока не буду рассказывать, вот когда она окончательно поправится — тогда.

А как вернусь, я сразу попрошу найти мне работу: вон там сколько швабр в подсобке было. Одну из них же можно дать мне? Ферст же не откажет? Куплю еще зелий для мамы, она обязательно поправится!

Уж найду как-то время между занятиями и ссорами с Филисом. И почему именно о нем мне хочется рассказать маме? Ну уж нет! Еще волноваться будет.

Свои настойки принимаю втайне от мамы, чтобы лишний раз ее не тревожить. К тому же головокружение почти перестало меня беспокоить, оставив после себя только слабость и усталость. Все же хорошо, что я Адреаса послушала. А пальцы... Пальцы вообще прошли! И чего Филису в жизни не хватает? И маг сильный, и боец, и внешностью одарен, и деньгами. Характером только хорошим обделили.

Время пробегает так быстро и незаметно, что только очередное напоминание мамы про племянника соседки заставляет меня вспомнить о том, что мы с Илиасом договорились встретиться в городе!

Уже жалею о том, что согласилась. Совсем не хочется оставлять маму, но цветка связи у меня нет и быть не может, да я и понятия не имею, как передать Илиасу, что не смогу прийти. А так просто не появиться стыдно.

Поэтому к назначенному времени я все же подхожу к башне с часами в своем лучшем платье. Хотя мне все равно стыдно: оно выглядит очень неуместно в том разноцветье тканей и фасонов, которое выгуливают богатые девушки на главном проспекте.

Илиас уже ждет с одной длинной розой пудрового цвета. Он расплывается в улыбке, когда видит меня.

— Честно, я до последнего боялся, что ты не придешь, и мне придется искать, где ты живешь, — парень подает мне розу и тянется, чтобы приобнять, но я отстраняюсь.

— Честно, у меня были такие опасения, поэтому я решила лучше прийти, — отвечаю я.

— Значит, мне повезло, я могу порадовать тебя пирожными. А потом у меня для тебя есть сюрприз, — Илиас просто сияет, и я не могу сдержаться, тоже отвечаю ему улыбкой.

К счастью, он достаточно проницателен и понимает, что мне очень некомфортно здесь, среди лоска и показного богатства. Оказывается, он заранее заказал пирожные, и мы, забрав их из кондитерской, отправляемся на набережную, где Илиас арендовал один из столиков на открытой веранде.

Нас уже ждет горячий ароматный чай с нотками апельсиновой цедры, чайные пары из тончайшего фарфора и потрясающий вид на озеро. И время подобрано просто удивительно точно: мы приходим как раз за несколько минут до того, как солнце начинает садиться.

— Это мое любимое место, — говорит Илиас, разливая чай. — Особенно осенью, когда кажется, что солнце подкрашивает собой не только озеро, но и деревья вокруг.

Я присматриваюсь и замечаю, что и правда берега водоема словно подсвечиваются золотом и багрянцем.

— Не знала, что ты такой романтик, — немного смущенно говорю я и пытаюсь спрятаться за чашкой, обхватывая ее обеими ладонями.

Илиас и сам выглядит как луч этого самого закатного солнца, особенно когда его волосы поблескивают рыжиной в отсветах.

— А еще, если присмотришься вон туда, — парень пересаживается на скамью рядом со мной и, будто случайно приобнимая, показывает на озеро рукой, — можно увидеть мой дом. Оттуда вид еще шикарнее. Может, в следующий раз посмотрим закат оттуда?

Мне очень неловко, я стараюсь чуть отодвинуться, но, когда оборачиваюсь к Илиасу, все равно оказываюсь практически лицом к лицу с ним.

— Я не уверена... — начинаю я.

— А ты в чем-то бываешь уверена? — голос я узнаю раньше, чем успеваю поднять глаза. Кажется, это уже входит в традицию: Илиас, я и... взбешенный Филис.

Глава 25

Какого демона этот разноцветный индюк снова и снова оказывается там, где я? В конце концов, неужели я не имею права хотя бы на выходных от него отдохнуть? У него вообще дела были!

Я поднимаю брови, деланно удивляясь его появлению, и решаю ответить на его вопрос:

— Например, в том, что ты обладаешь отвратительным умением появляться там, где тебя не ждут? — говорю я, но почему-то очень сильно хочу, чтобы между нами с Илиасом было больше несчастных десяти сантиметров.

— А почему не в том, что тебе надо не таскаться непонятно где, а отлеживаться дома, чтобы где-нибудь по пути не свалиться в обморок, — глаза Адреааса сверкают, а злость исходит от него волнами.

— Не переживай, Филис, — говорит Илиас, — я-то смогу позаботиться о девушке. А ты? В этом тоже бесполезен, раз отправляешь домой?

Адreas сжимает кулаки, и на миг мне кажется, что сейчас опять повторится то же самое, что у столовой в академии, но нет. Он сдерживается. Только несчастная роза мгновенно вспыхивает синим пламенем и превращается в полоску серого пепла.

— А ты только и умеешь, что показывать девушкам, как “солнце подкрашивает собой не только озеро, но и деревья вокруг”? — практически дословно произносит Филис слова Илиаса. — Ящерка, ты еще не исправила неуд по защите. Жду тебя в академии. Завтра. В двенадцать. А сейчас постарайся позаботиться о своем здоровье.

Меня буквально пронзает его взглядом, и все происходящее — закат, чай, пирожные, в конце концов, — теряет свою прелесть. Филис разворачивается и уходит, а я смотрю на его радужный затылок и никак не могу понять, почему мне так стыдно?

Ощущение, что, находясь тут, я делаю что-то неправильное. Настроение портится.

— Илиас, у меня дома мама... — говорю я. — Мы так мало с ней виделись, а завтра мне уже в академию с утра. Я, наверное, пойду.

Не могу не отметить разочарование на лице Илиаса, но он все же поднимается, просит упаковать пирожные с собой и даже делает вид, что ничего такого не произошло. Мы доходим до башни с часами, у которой и встретились.

— Дальше я сама, — говорю я, останавливаясь.

— А как же твое здоровье? — пытается зацепиться за эту подсказку Илиас.

— Оно не мешало мне ни прийти сюда, ни прогуляться с тобой, — пожимаю плечами. — Но дальше я сама. И так и быть, обещаю прийти и лечь до завтрашнего утра.

— Я так и не накормил тебя пирожными, — явно расстроено произносит парень. — Угостишь семью?

Он протягивает мне коробку. Я решаю не отказываться — мама будет рада.

И только дома уже на меня накатывает такая усталость, что я понимаю, почему мне рекомендовали постельный режим. Поэтому, выполнив все предписания, заваливаюсь спать.

Академия встречает меня полупустыми корпусами. Многие воспользовались возможностью на выходные отправиться домой, пока погода еще позволяет ездить не по слякоти и дождю. Я бреду не спеша по парку, наслаждаясь тишиной и тем, как припекает осеннее солнце.

Мне даже интересно, как этот парк выглядит по весне: наверняка тут много цветущих деревьев и кустарников, а в воздухе висит сладковатый аромат. А сейчас пахнет влажной осенней землей и начинающими преть листьями.

Кажется, что это аромат увядания, но у меня он почему-то ассоциируется с чем-то очень активным, деятельным, может, даже творческим. Сразу хочется что-то чудить...

Хотя нет, чудить мне не стоит, и так проблем много.

— Ты опоздала, — внезапный упрек Адreasа заставляет меня вздрогнуть и закатить глаза одновременно.

— Кто-то вчера говорил о том, что мне нужно заботиться о своем здоровье. Вот, я забочусь: передвигаюсь не спеша, резких движений не делаю, сохраняю покой, находясь подальше от тебя, — отвечаю я.

Адreas отлепляется от фонтана, у которого стоял, и делает несколько шагов ко мне. Сегодня на нем нет академической формы — только темные штаны и белая рубашка, расстегнутая настолько, что виден резкий изгиб ключицы. И я невольно задерживаю на нем взгляд.

— А бегать по свиданиям — это тоже часть лечения? — едко замечает Филис, а у меня мурашки бегут от того, что плещется в его глазах.

— Уж это к тебе не имеет никакого отношения, — фыркаю я, выдерживая его взгляд.

— Ко мне имеет отношение твоя учеба. И вместо обниманий с парнями тебе нужно обниматься с учебниками, — он подходит еще ближе, и вот уже он возвышается надо мной, от чего я делаю шаг назад.

— Да с чего ты взял? Мы просто...

— Просто сидели рядом? Он просто тебя обнимал? — Адreas усмехается, наслаждаясь моей растерянностью. — Удивительно, как легко ты...

Тут я не выдерживаю:

— А не обнаглел ли ты, Филис? И вообще, что там делал ты сам?

— Гулял, ящерка, гулял, — нарочито небрежно произносит он. — А теперь, если ты все же намерена учиться в академии или хотя бы искать тут... полезные связи, время заниматься.

Мне очень хочется пнуть его. Вот прямо от души это сделать, но Филис оказывается быстрее и бодро уходит от меня.

— Мы идем... в боевой корпус? — с удивлением замечая я.

— Мы идем работать над твоей магией, в первую очередь защитной. Чтобы тебе больше не приходилось рыть мне ямы и тем более падать в них, — жестко отзывается он.

Я не сразу понимаю, а потом даже спотыкаюсь, когда до меня доходит. Надо отдать ему должное, Филис очень проницателен, понял, что я не сама нашла приключения на свою голову.

Мы оказываемся в небольшом тренировочном зале с песком вместо обычного покрытия на полу, магическими барьерами вокруг и стеклянным потолком над нами. Красиво.

— Рот закрой, тепло не трать, — прерывает минуту спокойного любования Адreas. — Сегодня попробуем другой подход.

— Какой? — настороженно спрашиваю я, снова оставляя Ири и свои вещи на скамье у входа.

Филис кидает взгляд на моего фамильяра, который стал цвета песка, о чем-то думает, а потом качает головой.

— Пока твоего хамелеона оставим тут, — выносит он решение. — А подход... Практический подход. Теория у тебя в голове не задерживается, попробуем через магию.

Очередной раз ловлю себя на желании хорошенько ударить Филиса, но желание наконец-то заняться магией пересиливает.

— Поставь ноги на ширину плеч, — говорит Адreas. — Руки вытяни вперед. И глаза. Закрой глаза.

— Зачем? — недоверчиво спрашиваю я.

— Чтобы тебя ничего не отвлекало от твоих внутренних потоков, ящерка, — как-то даже мягче говорит он, оказываясь у меня за спиной. — Нам надо научиться направлять твою магию. Или ты предпочитаешь и дальше получать неуды?

Мотаю головой и закрываю глаза. Я могу сделать это, если мне поможет. Вот только... поможет ли?

— Представь, что все твое тело — это сплошное переплетение магических потоков, — понизив голос, произносит над ухом Филис. — Почувствуй, как твоя сила струится по ним, свободно течет, питает тебя.

Стараюсь сделать все так, как он говорит. Но я только представляю и почти ничего не чувствую.

— Правая рука снизу вверх по дуге, левая слева направо по прямой, — продолжает Адreas. — Соединить. Восьмерка бесконечности. Вдох... и на выдохе почувствовать, как сила концентрируется на кончиках твоих пальцев.

Медленно, очень медленно и невероятно сосредоточенно делаю то, что он говорит. Но кажется, что это просто бесполезные взмахи руками.

Похоже, Филис тоже понимает, что у меня проблемы, потому что он оказывается совсем рядом, за моей спиной, обхватывает пальцами мои кисти и направляет руки.

Взмах. Переход. Чуть добавить корпус.

Внезапное тепло от Филиса. Его запах, дерзкий, острый, но такой тягуче-терпкий, что хочется укутаться в него.

Снова взмах. Снова переход. И вот уже мои ладони непривычно пульсируют. Похоже на то, как они горели, когда я раскрасила Филису волосы, но... я как будто учусь взаимодействовать с этим теплом.

— А теперь самое простое плетение... — хрипло произносит Адreas. — Ну же...

Я формирую знак базового щита и... Распахнув глаза, понимаю, что у меня получилось! У меня получилось что-то сложнее, чем световой шарик! И я точно понимаю, что контролирую это!

Концентрация от радости мгновенно улетучивается, только менее счастливой я себя не чувствую. Резко поворачиваюсь и только тогда понимаю, что все еще нахожусь в объятиях.

По телу пробегает дрожь, оседая где-то в солнечном сплетении и не давая двинуться с места. Пальцы сжимаются на белой мягкой шелковой рубашке Филиса.

Он медленно, едва касаясь, проводит пальцами вдоль спины, запуская каскад мурашек по моей коже и словно превращая это мгновение в бесконечность.

А его глаза... такие ярко-голубые сегодня, с серебристыми искорками, так близко. Адreas тоже замирает, задерживая взгляд на моих губах, его дыхание опаляет мои губы, а воздух сгущается, становясь вязким, словно патока.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.